

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Контрвью

•

Beyond the Drama Triangle

•

Когнитивные корреляты
эмоционального интеллекта

Том **12**, №2

2015

ISSN 1813-8918

Том 12. №2
2015

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийский университет психологии и менеджмента, Латвия)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
М. Ливи (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осип (НИУ ВШЭ)
А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)
В.Д. Шадрин (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается факультетом психологии НИУ ВШЭ.

Миссия журнала – это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брицева*

Редакторы *О.В. Шапошникова, О.В. Петровская*

Корректура *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *А.С. Науменко,*

К.А. Чистопольская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2015 г.

Том 12. № 2
2015

ПСИХОЛОГИЯ
Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска: Контрвью

- В.А. Петровский.** Вступительное слово5
А.Б. Орлов, Н.А. Орлова. Наука человека: Человекоцентрированный
подход к общей персонологии (или История о чрезвычайном
происшествии в благородном семействе наук)7
В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко. Персонология «правильная»
и «неправильная»: ответ диспутантам30

Статьи

- М.В. Алфимова, Т.В. Лежейко, Г.И. Коровайцева, В.Е. Голимбет.**
Психологические и молекулярно-генетические механизмы снижения
макиавеллизма при шизофрении70
В.П. Серкин. Деятельностная теория сознания (сознание как атрибут
системы деятельностей субъекта)93
О.А. Гулевич, И.Р. Сариева, И.С. Прусова. Этнические предрассудки
в России: Методика для измерения предрассудков в отношении
к мигрантам (*на английском языке*)112
И.М. Шмелев. За пределами «драматического треугольника»:
Овладевающее Я (*на английском языке*)133

Короткие сообщения

- Ю.Е. Кравченко, О.В. Балужева.** Соотношение субъективного
переживания, понимания эмоций и телесных ощущений в реакции на
веселый мультфильм150
Т.А. Сысоева, В.В. Овсянникова. Скорость переработки эмоциональной
информации как коррелят эмоционального интеллекта160

Обзоры и рецензии

- С.Ю. Коровкин.** Фасилитация решения творческих задач: Юмор172

Vol. 12. No 2
2015

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrowsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada
Gershons Breslavs, Baltic Psychology and Management
University College, Latvia
Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federa-
tion, and Yale Child Study Center, USA
Vasily Khucharev, HSE, Russian Federation
Anatoliy Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE
Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian
Federation
Martin Lynch, University of Rochester, USA
Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation
Evgeny Osin, HSE, Russian Federation
Alexander Poddiakov, HSE, Russian Federation
Vladimir Shadrnikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian
Federation
Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation
Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Rus-
sian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE and Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation
Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation
Vladimir Barabanschikov, Institute of Psychology of RAS
and Moscow University of Psychology and Education,
Russian Federation
Takdir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation
Alla Bolotova, HSE, Russian Federation
Alexander Chernorizov, Lomonosov MSU, Russian Federation
Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation
Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University,
Russian Federation
Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation
Alfried Längle, HSE, Russian Federation
Alexander Orlov, HSE, Russian Federation
Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation
Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian
Federation
Igor Semenov, HSE, Russian Federation
Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation
Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation
Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen
University, Germany
Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation
Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation
Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the Faculty of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya, N.S. Sambu*

Translation into English *A.S. Naumenko, K.A. Chistopolskaya*

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2015 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue. Contraview

V.A. Petrovsky. Editorial (*in Russian*)5
A.B. Orlov, N.A. Orlova. Science of a Person: Person-Centered Approach to General Personology (or The Story of the Accident in the Noble Family of Sciences) (*in Russian*)7
V.A. Petrovsky, E.B. Starovoitenko. The "Right" and the "Wrong" Personology: The Answer to the Disputants (*in Russian*)30

Articles

M.V. Alfimova, T.V. Lezheiko, G.I. Korovaitseva, V.E. Golimbet. Psychological and Molecular-Genetic Mechanism of Machiavellianism Reduction in Schizophrenia (*in Russian*)70
V.P. Serkin. Activity Theory of Consciousness (Consciousness as an Attribute of System Operations Subject) (*in Russian*)93
O.A. Gulevich, I.R. Sarieva, I.S. Prusova. Ethnic Prejudices in Russia: Questionnaire Adaptation for the Measurement of Prejudices towards Migrants112
I.M. Shmelev. Beyond the Drama Triangle: The Overcoming Self133

Work in progress

Yu.E. Kravchenko, O.V. Balueva. Correlation of Subjective Feeling, Understanding of Emotions and Bodily Sensations in Reaction to a Funny Cartoon (*in Russian*)150
T.A. Sysoeva, V.V. Ovsyannikova. Speed of Emotional Information Processing as Correlate of Emotional Intelligence (*in Russian*)160

Reviews

S.Yu. Korovkin. Facilitation of Creative Problem Solving: Humor (*in Russian*)172

ПЕРСОНОЛОГИЯ «ПРАВИЛЬНАЯ» И «НЕПРАВИЛЬНАЯ»: ОТВЕТ ДИСПУТАНТАМ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ, Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО

Петровский Вадим Артурович — ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор кафедры психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАО, профессор, доктор психологических наук. Лауреат премии «Золотая Вышка – 2011» в номинации «Достижения в науке». Главный редактор журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики».

Сфера научных интересов — теория и методология психологии, общая персонология, транзактный анализ. Автор мультисубъектной теории личности, моделей воспитания дошкольников, вхождения личности в стабильную социальную общность, импульсной модели экзистенциального выбора, а также ряда исследовательских и практических методов и методик.

Автор более 160 работ, среди которых монографии: «Психология неадаптивной активности» (1992), «Личность: феномен субъектности» (1993), «Одаренные дети: экология творчества» (1993, в соавт.), «Психология воспитания» (1995, отв. ред. и автор), «Личность в психологии: парадигма субъектности» (1996), «Основы практической консультативной психологии» (2008, отв. ред. и автор), «Человек над ситуацией» (2010) и др.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Старовойтенко Елена Борисовна — заведующая кафедрой психологии личности департамента психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов — методология психологии, психология личности, психология творчества, психология познания, психология Я, психология индивидуальности.

Автор теории жизненных отношений личности, концепции культурной психологии личности, модели персонологии в парадигме жизни. Автор и ответственный редактор 9 книг, главные из которых: «Введение в гуманитарную психологию» (1996), «Современная психология: формы интеллектуальной жизни» (2001), «Психология личности в парадигме жизненных отношений» (2004), «Предмет и метод психологии» (2005), «Культурная психология личности» (2007), «Психология индивидуальности: новые модели и концепции» (2009), «Персонология: жизнь личности в культуре» (2014).

Контакты: helestaOS@yandex.ru

Резюме

В статье дан развернутый ответ на критические суждения А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, высказанные ими в статье «Наука человека: Человекоцентрированный подход к общей персонологии» (см. с. 7–29 настоящего выпуска журнала) по поводу ранее опубликованной в том же журнале статьи В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (Петровский, Старовойтенко, 2012). Авторы четырех проектов

полагают, что критика в их адрес обусловлена следующими причинами. Первая — это очевидные перцептивные ошибки, подмена терминов, тенденциозность интерпретаций при обращении с текстами критикуемых работ. Критики охотно делятся своими идеологическими и политическими оценками, вероятно, полагая, что таким образом они усиливают убедительность своих рассуждений (к примеру, идея «личности» ассоциируется у них с «расистскими построениями фашистской персонологии» и т.п.). В результате такого ошибочного восприятия эти авторы приходят к ложным выводам, затрагивающим основные категории и положения персонологии (дискредитация ее методологического статуса, неразличение общей персонологии и частных вариантов ее построения — мультисубъектной персонологии, персонологии жизни и др.). При этом, как ни парадоксально, критики приписывают себе приоритет в разработке «частных персонологий». Вторая причина, побуждающая «человекоцентрированных» критиков идеи персонологии вступить в полемику с авторами четырех проектов, приводящая к существенным искажениям в восприятии, интерпретациях и оценках, это собственные весьма спорные идеи диспутантов; в первую очередь, это касается соотношения науки и практики в перспективе развития психологии (по мнению критиков, с наступлением приближающейся «психозойской эры» психология отомрет, уступив место человекоцентрированной психопрактике). Стилистика высказываний критиков имеет мало общего с принципами «эмпатического слушания», «понимания и принятия», «безоценочности», открытых создателем человекоцентрированного подхода К. Роджерсом. Вместо «активного слушания» используются приемы «активного скушания» («черной риторики»). Текст авторов критической статьи, А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, противоречит заявленному в названии замыслу. Содержание и стиль их собственных построений не имеют, по-видимому, ничего общего с «человекоцентрированным подходом» — применительно к идеям тех, кто мыслит иначе.

Ключевые слова: личность, персонализация, персоне, человекоцентрированный подход, психопрактика, суфизм, общая персонология, мультисубъектная персонология, персонология жизни, парадигма, интеграция, треугольники синтеза.

Пародия? Шарж? Pamфлет?

Полемиическая статья А.Б. Орлова и Н.А. Орловой — поразительное по страстности, метафорической насыщенности, любви-ненависти к идее «персонологии» произведение! Пародия, шарж, памфлет, комическая парафраза, разоблачительная речь, мистификация... И все это в целом, — опыт, так сказать, человекоцентрированного «понимания и принятия» идей, а также людей, с которыми связывает долгий опыт сотрудничества.

Так и сказано: «Человекоцентрированный подход к общей персонологии...»

Общий смысл этой критики, этого пафоса, этой патетики ниспровержения, всей этой правоучительной (то профессорской, то прокурорской), чуть-чуть театрализованной, в чем-то скоморошьей речи — общий смысл всего сказанного критиками приоткрывается только в конце. Оказывается, что «правильная» персонология, в отличие от «неправильной» персонологии (с которой так яростно, бескомпромиссно, беспощадно борются авторы статьи), «уже существует».

И автором, точнее, соавтором, прорабом и провозвестником этой «правильной», единственно верной

персонологии является — догадываемся кто? — сам создатель разоблачительной статьи-памфлета, давний наш коллега по цеху, человекоцентрированный терапевт, Александр Борисович Орлов. «Персонология возможна (более того, она реально существует) в рамках и экзистенциального (как “персонология”), и человекоцентрированного (как “становление человека”) подходов» (Орлов, Орлова, 2015, с. 24). Вот это — «настоящая» персонология, а не какой-нибудь «кадавр», рожденный в «алхимической реторте» где-то рядом, за соседним столом.

Надеемся, читатели дошли до конца статьи Александра Борисовича Орлова и Наталии Александровны Орловой. И как не дочитать? Игриво, задиристо, мрачновато, но забавно. Мы, будучи объектом критики, иногда сами читали-зачитывались! Захватывает, как сказка. Хотя порой страшновато. Юная особа в лоскутном наряде, Скелет, вывернутое Нутро, Голый король, Персоны, Тени, Зародыши — все это рвется за стол высокородных наук, где восседают, конечно, и наши оппоненты. Интригует. Волнует. Лихо заверчено!

Назад, в пионерское детство!

Диспут о главном

...А кроме того, совершенно новый жанр в науке — *диспут*. Это вам не какая-нибудь скучноватая дискуссия, мусолящая аргументы сторон, — это диспут, вызывающий у тех, кто вырос в годы застоя, ностальгические воспоминания о пионерском лагерном детстве, жарких спорах о главном, страшилках на ночь...

Спор у костра: персонология «правильная» и... «неправильная»

Итак, все начинается с гамлетовского вопроса: «персонология: быть или не быть?». Однако потом тема диспута трансформируется. И когда под утро отзвучат разоблачительные речи, то выяснится, что диспутанты — по ту сторону костра, так же, как и мы — по эту, несколько не сомневаются: персонологии — быть! Но только окажется, что есть «правильная» персонология, защищаемая *ими*, и «неправильная», развиваемая *нами*.

Кто же прав? Такова тема, предлагаемая диспутантами.

Парадокс импликации:

«если..., то...»

Начнем с небольшого сюжета, не имеющего прямого отношения к теме. Речь пойдет о логике (не с большой буквы, как у диспутантов, с лорнетом), — о логике математической. Есть в математической логике такая операция по имени материальная импликация, которая по смыслу соответствует, хотя и не в полной мере, отношению следования: «если..., то...». К парадоксам материальной импликации относится следующий: «Из лжи следует всё». Например, «Если сегодня 31 февраля, то завтра будет понедельник» (возможно, будет понедельник, а может быть какой-то другой день недели, но высказывание считается в обоих случаях истинным) или «Если сегодня 31 февраля, то завтра будет вчера» (вывод нелеп, но высказывание в целом является истинным). Столь же истинным будет высказывание:

«Если вода — мед, то карась — акула» и т.п. В связи с парадоксом импликации вспоминается шуточный комментарий из книги Дж. Литлвуда «Математическая смесь»: «“X нашел, что в этих условиях возникают гравитационные волны; однако есть предположение, что в работе содержится ошибка”. Ясно, что *всякая* ошибка порождает гравитационные волны» (Литлвуд, 1979, с. 49). Словом, легко внушить появление таких волн, если в чьих-то рассуждениях есть ошибка или кто-то основывается на ошибочных допущениях.

Видимо, исходя из парадоксальных представлений, оппоненты (намеренно или по недоразумению) приписывают нам ошибки, а также сами ошибаются в интерпретации наших позиций, что должно создать «гравитационные волны», искривляющие наши идеи и концепции, а также формирующие негативные установки у читателей.

Персонологам, в отличие от физиков, неизвестно, что происходит в глубине материи, когда гравитационные волны, рожденные ошибками теоретиков, соприкасаются с реальностью. Но на примере наших коллег мы видим, как может искривляться

пространство общения, деформироваться линии взаимопонимания, когда люди, вступающие в полемику, искажают взгляды партнеров, не хотят или не способны понять друг друга.

Платон мне друг, но истина дороже. Ты не согласен? Вот тебе...

Особенно грустно, когда нас не понимают те, кто «по дружбе»¹, «по жизни», «по пройденному пути», а главное, по сути занимаемой профессиональной позиции могли бы и понять. Их профессиональная позиция заявлена в названии полемической статьи. Нам было удивительно прочесть, что статья посвящена, как мы уже говорили, «человекоцентрированному подходу к общей персонологии». По мере чтения это удивление возрастало: какие странные формы приобретает «человекоцентрированный подход», когда его озвучивают голоса таких методологов, как А.Б. Орлов и Н.А. Орлова!

Ведь человекоцентрированные терапевты, последователи великого Роджерса, в нашем представлении, исповедуют принципы понимания и принятия.

¹ «Платон мне друг...» — цитируют А.Б. Орлов и Н.А. Орлова Мартина Лютера. Фактический автор высказывания — Платон — стал одновременно и его «героем». Способны ли наши критики взглянуть критически на свою собственную, заявленную с таким пафосом и категоричностью позицию? С Александром Борисовичем Орловым мы сотрудничаем много лет (В.А. Петровский сотрудничает с 1995 г., почти 20 лет, Е.Б. Старовойтенко — с 2004-го, 10 лет). Срок немалый. Поэтому и эпиграф, приведенный в статье А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, «Платон мне друг...» — не случаен. Однако тон полемики — нас это поразило! — столь недружествен, что эти слова о дружбе и истине, вытканные на знамени нашего исступленно политизированного времени, цитируемые коллегами, с изнанки выглядят куда менее патетично; ну, скажем, так: «Платон мне друг, но истина дороже... Ты не согласен? Вот тебе... за это!» (направивается другая рифма, но компьютер подчеркивает это слово красным).

Рассмотрим, насколько удаются диспутантам *понимание* и *принятие*. Начнем с «*понимания*». О «*принятии*» – позже.

Непонимание без принятия

Назовем три фундаментальных заблуждения оппонентов. Именно эти заблуждения имплицитно «гравитационные поля», а те, в свою очередь, искривляют пространство дискуссии по поводу персонологии.

Ошибка № 1: трактовка научного статуса общей персонологии

...Общая персонология, или, как ее определяют В.А. Петровский и Е.Б. Старовойтенко, «наука личности», не является «новой наукой», и тем более «наукой наук» «в благородном семействе наук», как ошибочно думают оппоненты. Говоря о науке личности, мы тем самым маркируем некоторый подход в разработке проблем психологии личности. «Общая персонология» есть «методология междисциплинарного синтеза, сфокусированного на проблеме личности» (Википедия), «особое направление в психологии» (Петровский, 2012). Стоит ли здесь пояснять разницу между терминами «наука», «методология», «научное направление», «научная дисциплина»? Мы думаем, люди, уровня научной квалификации А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, не нуждаются в дополни-

тельных разъяснениях. Но при этом оппоненты почему-то пытаются навязать нам (и читателям) свое фантастическое видение нашего подхода, приписывая нам непомерные притязания на создание Вселенской Науки, призванной объединить всё и вся.

Замечают ли наши оппоненты разницу между чьей-либо претензией на создание Новой Науки, которая бы возвышалась над физикой, математикой, биологией, социологией, экономикой, культурологией, а также многочисленными психопрактиками (среди которых, о ужас, пестуемый ими и уважаемый нами «человекоцентрированный подход»), и построением новой психологической дисциплины, ставящей перед собой *выполнимую* задачу противостоять распаду психологии личности на три независимые области? О существовании таких процессов давно известно отечественным психологам (Ф.Е. Василюк, например, говорит, о «схизисе» академической и практической психологии личности, и это очень точное слово!). Мы говорим о диссоциации теоретико-эмпирических, культурно-герменевтических и психопрактических разработок, ставя задачей интеграцию этих областей психологии.

Но если разница, о которой мы говорим, незаметна, то просим оппонентов еще раз перечитать наши статьи и книги, уже вами процитированные, а также, может быть, выпавшие из поля внимания².

² Сфокусировав внимание на одной из наших публикаций, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова пишут: «...в качестве основного источника и наиболее полного изложения концепции общей персонологии [будем] ссылаться преимущественно на данную публикацию» (Орлов, Орлова, 2015, с. 9). Это, на наш взгляд, причина некоторой шаткости построений, предложенных критиками.

Среди них, например, — работы В.А. Петровского, посвященные общей персонологии, его публикации в соавторстве с А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским, ряд его собственных книг, освещающих истоки и пути разработки «науки личности» как особого направления в психологии. А также — убедительная просьба! — более внимательно прочитать работы Е.Б. Старовойтенко.

Подчеркиваем: ни Е.Б. Старовойтенко, ни В.А. Петровский, говоря о «новой персонологии», никогда и нигде не позиционировали ее как *«новую науку»*, якобы противопоставляющую себя другим наукам и тем более претендующую на особую роль в кругу этих наук (как рисуется диспутантам). Мы вполне отдавали себе отчет в том, что новизна персонологии проступает в *контексте* человекознания, педагогической антропологии и социальной практики, «оконтуривающих» ее особый предмет (Петровский, 2003, с. 21); и когда Е.Б. Старовойтенко позиционирует *«новую персонологию»*, она укореняет ее в интегративном подходе, релевантном тенденциям в современной психологии (Старовойтенко, 2012а). При этом «по нескромности» мы *не утаивали* от читателей тот факт, что нам хотелось бы видеть общую персонологию инструментом активного участия в жизни культуры, — не только внутри психологии,

но и *за ее пределами*, хотелось бы участвовать в междисциплинарных исследованиях, раскрывающих новые аспекты бытия личности.

Не беспокойтесь, дело вполне поправимое! Из советов Ходжи

Однако, глубокоуважаемые диспутанты, если наши амбиции могут задеть амбиции кого-то еще (о вашей идее «психозойской эры» на могиле классической психологии мы еще поговорим), то это, господа, дело вполне поправимое, — воспользуйтесь советом Ходжи Насреддина: постарайтесь не думать о непомерных притязаниях коллег, если, конечно, сможете!

Историческая справка

Уже в первых публикациях, посвященных общей персонологии, различаются два уровня персонологических построений: персонология общая и персонология частная. В составе «общей персонологии» оформляются принципы интеграции практической и теоретической деятельности психологов, в частности, критерии ценности достижений фундаментальной науки как источника динамизации психологической практики. На ранних этапах становления проекта «общей персонологии» в работах В.А. Петровского еще не

Вызывает сомнение то, что качественный текст, полный при этом негативных оценок в адрес проекта, разрабатываемого нами два с половиной десятка лет, можно написать, основываясь на незначительном числе статей Е.Б. Старовойтенко и одной статье В.А. Петровского. За годы исследовательской работы в персонологическом формате мы опубликовали не менее четырех десятков научных трудов, в том числе 5 монографий. По-видимому, критике подвергается то, что, как ни печально, глубоко не проработано, не понято, изначально отвергнуто.

выделялось особое — *герменевтическое* — направление в персонологии (появлением этого направления разработки общей персонологии В.А. Петровский обязан встрече с Е.Б. Старовойтенко), однако весьма подробно рассматривались принципы тестирования научных фактов как инструментов психологического консультирования (нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость и др.); предлагались также способы оценки их общей персонологической ценности³.

Кроме того, в более поздних работах того же автора рассматривались условия «персонологического поворота» категориального строя психологии к задачам психологического консультирования личности (категориальный строй психологии содержит в себе кластеры и плеяды категорий психосферы, подчиненные особой логике соорганизации).

Е.Б. Старовойтенко, независимо от В.А. Петровского, разрабатывала персонологический подход, рассматривая условия синтеза культурной (герменевтической) и фундаментальной психологии личности (Старовойтенко, 2004, 2007).

В выступлении В.А. Петровского «Постнеклассическая персонология» на V съезде Российского психологического общества 14–18 февраля 2012 г. в Москве и в цитируемой оппонентами статье В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко «Наука личности: четыре проекта общей персонологии» (Петровский, Старо-

войтенко, 2012), а также в статье «Персонология» в Википедии (подготовленной А.Н. Исаевой) персонология определяется как методология синтеза теории — герменевтики — практики, центрированных на личности.

Треугольник синтеза

В этом контексте формируется «треугольник синтеза» (см. рисунок 1), вершины которого образуют классическая (теоретико-экспериментальная) психология личности, культурная психология личности и практическая психология личности (психологическое консультирование, коучинг, медиация и пр.). Подчеркивается также неотчуждаемый характер субъекта психологического познания от постановки и решения любых психологических проблем, посвященных личности.

Кто ж сомневался?

Обсуждая наше понимание вершин этого треугольника, оппоненты настаивают на том, что мы «весьма «штрихпунктирно» подошли к проблеме [их] различий, которые являются вовсе не досадным атавизмом прошлого, а неотъемлемым «модусом вивенди» самого интегрируемого <...> материала» (Орлов, Орлова, 2015, с. 10).

Встречаясь с этой оценкой, мы вправе задать оппонентам вопрос на понимание (*ими — нас*): «Разве для вас не очевидны различия между

³ Этот важный для нас аспект построения общей персонологии вообще не замечен критиками, как не замечены идея двухъярусности построения персонологического знания и многое другое.

Рисунок 1

теоретической, герменевтической и практической составляющими психологии личности?»

Порог различения слишком высок?

Впрочем, авторов критического очерка, как нам кажется, больше волнуют не столько различия *между* вершинами треугольника, сколько различия между контентом¹ *внутри* вершин и сопутствующие различия при переходе от одной вершины к другой. Именно в этой связи мы специально акцентировали, как бы «прорисовывали», эти различия на примере категорий «психика», «личность», «деятельность», «общение», «развитие личности», «состоятельность» в *мультисубъектной персонологии* (В.А.

Петровский) и некоторых других течениях психологии личности, и в частности *человекоцентрированном подходе*. Нам были весьма интересны импликации, определяемые различиями, — а вдруг и оппоненты всерьез заинтересуются различиями, о которых было сказано в наших статьях (см. Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 25–26). Но как быть, если эти различия в упор не видят? Что делать, если для оппонентов они вовсе неразличимы? А что если порог различения слишком высок?

Образец «понимающего» цитирования

Чтобы понять, насколько «аккуратны», насколько «бережны» наши

¹ Трудное для понимания (диспутантами) слово комментируется на с. 49–50 настоящей статьи.

человекоцентрированные психопрактики в обращении с текстами других авторов, приведем сначала фрагмент из «цитируемой» критиками статьи Е.Б. Старовойтенко (2012а, с. 61): «Слово “логос” (“logos”) в именовании новой персонологии может означать движение к синтезу идей, фактов, методов и практик в процессе познания личности, релевантном интегральному характеру данной науки. Речь идет о соединении значений категории “познание”, найденных в динамике многовековой культурной истории обретения человеком истины в Боге, духе, мире и самом себе». Диспутанты, А.Б. Орлов и Н.А. Орлова, «пересказывают» этот фрагмент следующим образом: «Персонология есть обретение человеком истины “в Боге, в духе, в мире и самом себе”» (Орлов, Орлова, 2015, с. 10). Внимательно прочитав эту, так сказать, «выдержку» из статьи, ошарашенный читатель приходит к недвусмысленному выводу, что Елена Борисовна, а вслед за ней и Вадим Артурович, очевидно, сошли с ума и, страдая манией величия, тащат за собой в сумасшествие психически неустойчивых психологов, настаивая на том, что персонология, подобно молитве, воссоединяет человека с

Богом, — будто она способна дать веру неверующим, побудить их уверовать в Бога, душу и себя — мать всех страждущих и алчущих духовного примирения с собой...⁵

«Вытеснение»? «Копинг»? «Злой умысел»? Или «просто» непонимание?

Вот и решайте, дорогие читатели: распространяемые вовне ложные установки диспутантов⁶ — результат намеренного искажения фактов или, может быть, просто недогляд в восприятии текста? Предпочли бы считать, что ошибки интерпретации, допускаемые оппонентами, основаны на том, что они «просто не понимают» сути нашей работы, а не на стремлении всеми силами не разглядеть позицию критикуемых авторов. Предпочли бы считать, что А.Б. Орлов и Н.А. Орлова не специально, не злонамеренно передергивают наши высказывания, но «просто» бессознательно вытесняют из поля собственного видения то, что противоречит их раздраженно-критической установке (ведь так бывает с теми, кого мы консультируем как практикующие психологи, и в этом нет ничего особенного: таков путь психологических защит от травмирующих стимулов...).

⁵ «Подозрение», возникшее у диспутантов (в связи с чтением наших работ), что мы грезим «о новом человечестве», действительно, «имеет под собой основание». Имя этого основания хорошо известно из психоанализа: проекция. См. заключительный раздел нашей статьи (провозглашение А.Б. Орловым психозойской эры на тризне больших похорон «старой» психологии).

⁶ Мы не называем эти установки источником бреда, так как «бред» — это специфически клинический термин; кроме того, человекоцентрированные терапевты — противники диагностики, и в этом мы готовы последовать за ними, но когда объектом их анализа становятся чужие работы, то на месте диагностических ярлыков мы видим используемые оппонентами этически некорректные эпитеты и сравнения.

Подскажите, коллеги: кого, кроме вас и Сергея Леонидовича, процитировать?

Отметим важное обстоятельство, вызывающее возмущение у наших критиков. Это – отсутствие «системного упоминания (что это?! – В.П., Е.С.) ведущих отечественных психологов, кроме С.Л. Рубинштейна» (речь идет о статье, посвященной четырем проектам общей персонологии). Поясним оппонентам, что для нас «новая персонология» – это не готовая всеобъемлющая наука, а способ мышления, формат познания, логика работы с текстами и написания авторских текстов, путь к достижению многоплановой результативности в теоретических и эмпирических исследованиях личности. В нашей общей статье мы предварительно очертили возможный формат персонологических исследований, а в других работах изложили результаты авторских исследований, посвященных конкретным проблемам изучения личности и выполненным в соответствии с данным форматом. В связи с этим вопрос к оппонентам: как вы думаете, в наших монографиях и статьях есть только один цитируемый автор? Может быть, два или три? И этим все исчерпывается? А rigoros, «обширность» библиографии отзыва наших оппонентов обеспечивается в основном перечнем их собственных трудов.

«Ох-парафраза». Есть, впрочем, что-то, напоминающее умение человекоцентрированных терапевтов-теоретиков в лице А.Б. Орлова и Н.А. Орловой использовать техники *понимания* партнеров. Это – парафразирование высказываний последних.

Напомним, что техники парафразирования в диалоге многообразны, и среди них есть прием «эхо-парафразы», когда терапевт в точности повторяет фрагмент сказанного собеседником. Специфика использования этой техники нашими оппонентами состоит в том, что «эхо» есть, а источник высказывания и его изначальное содержание стираются в памяти или испаряются из текста («ох-парафраза»).

Напомним: «общая персонология» и «персонология частная»

Уже в первых публикациях В.А. Петровского, посвященных разработке «науки личности», обозначены два уровня персонологических построений: *персонология общая* и *персонология частная*. Если не различать эти уровни, то может сформироваться ложное убеждение, что персонологи одержимы стремлением подмять под себя без разбору *всю* культуру, *всю* теорию, *всю* психологическую практику (именно этот образ персонолога-окупанта пытаются внушить читателям наши критики, но такие представления совершенно неадекватны сути наших проектов).

Общая персонология, в варианте В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко, строит и реализует методологию синтеза фундаментального, практического и герменевтического подходов к изучению существенных аспектов личности, исследует условия этого синтеза (критерии и способы оценки нетривиальности научных фактов, экзистенциальной значимости уникальных событий жизни, логики категориальных синтезов «в

повороте» к герменевтике и практике и т.д.); создает схемы возвращения людям знаний о них, полученных в эмпирических исследованиях, текстах культуры, экспериментах («модели расширенной рефлексии» и т.д.).

В процессе становления «общей персонологии» развиваются **частные** персонологические построения, имеющие интегральный формат. Мы уже упоминали здесь, а в совместной статье рассматривали, одну из таких особенных (авторских) персонологий — *мультисубъектную персонологию* (Петровский, 2004, 2010; Петровский, Старовойтенко, 2012). Само собой разумеется, частные разработки подразумевают личные

предпочтения авторов; ориентирами персонологических синтезов в каждом конкретном случае могут быть различные теоретические установки, мировоззренческие представления, формы практикования. Конечно, только внутри авторских персонологических систем может быть осуществлен искомый синтез. Каждый, кто мог бы сказать о себе — «персонолог», пребывает, прежде всего, в своем дискурсе, объединяющем его с теми, кого он считает своим сподвижником или оппонентом⁷. Наши критики, судя по всему, разделяют этот взгляд, так же, как и мы, полагая, что «в единую концептуальную систему могут быть интегрированы

⁷ Мы, разумеется, не ждем от коллег использования слова «персонология» в описании своих разработок. Но это не мешает нам видеть, как укрепляется персонологическая парадигма, символизируемая треугольником «Теория — Герменевтика — Практика» (а точнее пирамидой, включающей в себя вершину «Самополагания» психолога). Мы знаем работы коллег, в которых теория, герменевтика, психологическое консультирование выступают в единстве, поддерживая друг друга, и, как иногда говорил С.Л. Рубинштейн, «проникая друг в друга». Например, в *понимающей психотерапии* Ф.Е. Василюка мы находим образцы синтеза категорий классической психологии («деятельность», «отношение», «установка»), текстов культуры (анализ переживания Родионом Раскольниковым своего преступления) и филигранно разработанных техник работы с консультируемыми (в последние годы под руководством Ф.Е. Василюка проводятся изящные эмпирические исследования, фиксирующие эффекты терапевтических техник общения). Нам, как персонологам, близки разработки, выполненные в рамках рефлексивно-деятельностного подхода (В.К. Зарецкий и его сотрудники), рефлексивной психологии (В.А. Лефевр, Н.Г. Алексеев, И.Н. Семенов), экологической психологии (В.И. Панов), «психологии субъективности» (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев) и др.

Общая персонология и ее частные (авторские) персонологические реализации обязаны своим возникновением традициям российской философской, психологической, культурологической мысли, начало которым были положены в трудах А.А. Ухтомского, Г.Г. Шпета, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, К.С. Станиславского, М. Чехова, Б.Л. Пастернака, О.Э. Мандельштама, М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко и др. Интенция синтеза идей этих выдающихся теоретиков, деятелей культуры, практиков уже названа: «культурно-деятельностный конструктивизм» (А.Г. Асмолов). Возможность реализации этого подхода должна быть осмыслена под углом зрения синтеза категорий, ценностей, техник, сфокусированных на личности человека, позволяющих личности быть, состояться, оставить свой след на земле. «Механизм синтеза», на наш взгляд, — общая персонология во всем многообразии автор-

весьма разнородные понятия личности и сущности, персоны и тени, маски и лица, персонализации и персонификации, индивидуализации и индивидуации, диалога и триалога»⁸ (Орлов, Орлова, 2015, с. 24). Почему же они закрывают глаза на сходство позиций?

Смутная догадка: может быть, оппоненты просто не знают наших работ, где соотносятся *общая* персонология и *персонология частная*? В этом случае — полезная информация к размышлению: помимо упомянутой здесь *мульти субъектной персонологии* (В.А. Петровский), разрабатываются модели *культурной персонологии* и *персонологии жизни* (Е.Б. Старовойтенко), *персонологии Я* (совместные разработки В.А. Петровского, Е.Б. Старовойтенко и их сотрудников); Д.А. Леонтьев описывает «контуры новой персонологии» («возможностной») (Леонтьев, 2011).

Активное слушание versus активное скушание

Прочитав критический отзыв А.Б. Орлова и Н.А. Орловой, мы, как уже было сказано, узнали, что есть одна самодостаточная «персонология», в перспективе — *новая персонология* (в интерпретации А.Б. Орлова и Н.А. Орловой), которая до сих пор не была нами замече-

на и достойным образом оценена. К ней причастны труды самого А.Б. Орлова и его коллег; она-то и противостоит *нашей*. Обращаясь к широкой психологической обществу, они пишут: «Ни понятие “персона”, ни понятие “перзон”, ни понятие “личность”, ни даже понятие “субъект” неадекватны в силу узости своего объема амбициозным замыслам авторов. Существует лишь одно понятие, соразмерное “персонологическому повороту”, и это понятие — “человек”. Другими словами, все четыре проекта авторов могут вместиться исключительно и только в человекоцентрированную парадигму. Следует лишь озвучить секрет Полишинеля: такая “персонология” уже существует более полувека как парадигма “*becoming of the person*” (Орлов, 2002в; Роджерс, 1994), и именно эта научная парадигма *становления человека* является “*наукой человека — о человеке — для человека — во имя человека*”» (Орлов, Орлова, 2015, с. 25).

Итак, наши радикально настроенные диспутанты готовы считать себя персонологами, заключая это слово в кавычки и присваивая попутно наше описание персонологии. Замечательно! Но вопрос заключается в том, насколько естественно для них, обращаясь к личности человека (человеку как личности), ощущать и

ских решений, образующих единство, но, конечно, не тождество (о чем и шла речь в докладе В.А. Петровского «Постнеклассическая персонология» на V съезде Российского психологического общества (2012) в работе секции культурно-деятельностного конструктивизма.)

* Хорошо, что авторы все-таки признают возможность синтеза «весьма разнородных понятий», а то ведь какой удручающий скептицизм! Впрочем, дальше мы убеждаемся в том, что эта радужная перспектива достижима в условиях жесткой конкурентной борьбы на выживание с другими персонологическими системами.

позиционировать себя в поле науки, контексте культуры, потоке практики, актах самополагания, связывая воедино четыре вершины персонологии.

Начнем с последнего: *самополагание*. У самих диспутантов нет сомнения в том, что они (и только они) — истинные представители становящейся *новой персонологии* (в нарушение принципов человекоцентрированного подхода, диспутанты почти советуют, как нам построить эту систему). Итак, примем, что они персонологи, и рассмотрим их под углом зрения формулируемых нами критериев. Диспутантам кажется, что их отличает от нас то обстоятельство, что они персонологи «правильные», а мы — «неправильные». По их мнению, у соавторов «четырех проектов» колоссальные притязания, сами же оппоненты манией величия не страдают. Но вот что в действительности пишут наши критики, предварительно вдохновившись поддержкой Методологии, Логики, Гносеологии, Науковедения, Герменевтики, Лингвистики и проявляя завидную скромность:

«...Если ученые — психологи и психотерапевты, культурологи и логики, философы и социологи, прочие специалисты в гуманитарных, социальных и естественных науках и даже персонологи — в светлом будущем не возьмут на себя ответственность за разрешение хотя бы тех противоречий, которые мы предложили вашему вниманию, сама персонология с этим не справится. **Этот наш дискурс можно считать первым вкладом в великое дело построения**

новой персонологии, ведь как корабль назовешь — так он и поплывет, как фундамент заложишь — так и здание стоять будет» (Орлов, Орлова, 2015, с. 23; выделено нами — В.П., Е.С.).

Пожалуй, по критерию «самополагания» человекоцентрированные авторы — безупречные персонологи. Они, в отличие от нас, ни за что не посадят корабль на мель, не пропустят его рифами неразрешимых противоречий. Они — конструкторы, капитаны, лоцманы, боцманы, матросы, заведующие кухней, сервировщики стола «правильного» корабля персонологии. И мы видим: если этот корабль до сих пор не поплыл, то вскорости поплывет обязательно...

Практика... Тут все безупречно. «Понимание и принятие», «безоценочность и конгруэнтность», «безусловно позитивное отношение к людям»⁹ — все это не вызывает сомнений. Читатель мог сам убедиться в этом, прочитав их «безоценочную» статью, посвященную взглядам коллег. Если у кого-то еще остаются сомнения, то мы к ним еще вернемся.

Погруженность в культуру... Тут появляются некоторые сложности. Авторы «проникающего взгляда» на общую персонологию пишут: «Персонология невозможна как синтез, интеграция разных культур, но она возможна (более того, она реально существует) как синтез, интеграция понятий внутри русскоязычной культуры. Так, в европейской культуре уже существует пестрый букет персонологий» (Орлов, Орлова, 2015, с. 24). В нашей культуре, по мнению оппонентов, давно существует «пер-

⁹ Ко всем людям вообще, а не только к клиентам.

сонология», построенная в человекоцентрированной парадигме.

Но как это соотносить с утверждением А.Б. Орлова, что гуманистическая психология как таковая в ее наиболее рафинированных формах является всего лишь экзотерическим проявлением очень древнего эзотерического психологического знания, эволюционирующего в русле суфистской традиции; как примирить этот пафос «евроинтеграции» суфистской культуры с тем скептицизмом, который сквозит в оценке возможностей интеграции Восточной и Западной культур, высказанной нашими оппонентами в их статье? Разница между «Евросуфизмом» и «Евромайdanом» бьет в глаза. Речь суфия, по свидетельству Низами, «невозможно передать ни одним из известных языков. Под языком поэта лежит ключ к Сокровищнице. Пророк и поэт – это ядро, все остальное скорлупа». Пророческие утверждения и воззвания носителей «новой науки» – «человекоцентрированной психопрактики» – кажутся нам слабо осуществимыми в свете собственных сомнений А.Б. Орлова, «поддерживаемого» сквозь века Низами.

Теория... Тут грядущая «общая персонология», в варианте Орловых, явно не в дружбе с нашей... Ведь А.Б. Орлов, с момента выхода своей книги (Орлов, 1995б), не ставил под сомнение собственный тезис, состоящий в неизбежности (и исторической

оправданности) радикального изменения и пересмотра «позиционных взаимоотношений» между теорией (логосом) и эмпирией (практикой) в самой психологической науке, в преобразовании их позитивистского (с точки зрения здравого смысла) соотношения. Альтернативу традиционной научной психологии составляет складывающаяся в современной практической психологии... новая наука – психопрактика, «идущая на смену психологии» (цитируемый автор, проявляющий трепетное отношение к слову как таковому, играющий *декомпозицией* терминов и особенно озабоченный строением слова «персоно-логия», не замечает, что «психопрактика» для него – «наука») ¹⁰. Кроме того, автор цитируемого произведения пишет, что в составе психопрактики «теория (миф) создается и существует только и исключительно для того, чтобы порождать и обслуживать практику» (Там же, с. 254).

Суммируя все сказанное, мы приходим к выводу, что определяющие интенции построения общей персонологии (и ее частных форм), выделяемые нами, расходятся с представлениями о персонологии, общей и частной, наших критиков и не соответствуют вольному толкованию ими наших взглядов. Разработки оппонентов в русле человекоцентрированного подхода нельзя рассматривать как образец построения некоей «истинной» персонологии.

¹⁰ Т.е. в полной форме это звучало бы «психо-практи-о-логия», так что от Логоса, как не крути, никуда не спасешься!.. Но все-таки обсуждаемый термин, при всей его, казалось бы, безупречности, не совсем годится – из-за звучания, ассоциативно уводящего далеко в сторону от главного предмета заботы.

В связи с этим мы не можем принять поучения наших коллег, «с чего начать», «что делать» и «как нам организовать» деятельность по созданию «правильной персонологии». Впрочем, урок интересный: «человекоцентрированные психопрактики» *советов не дают*, но они просто ставят себя в пример (об этом дальше).

Ошибка № 2: трактовка «личности» — центральной категории персонологии

В страшном сне авторам «четырёх проектов персонологии» не явилась бы идея отождествить юнгианскую «персону» и личность. Между тем многие годы подряд один из наших критиков, А.Б. Орлов, замечая в словах, описывающих личность, морфему «персоно-», приписывает этой части слова юнгианский смысл, прочитывая ее как «маску», «социальную роль». Первоначально это специфическое толкование касалось слова «персонализация» (легко же было критиковать концепцию персонализации, призывая читателей механически подставить на место «персоно-» юнгианскую маску!).

Теперь — та же уловка продельвается с термином «персонология». Оппоненты разлагают слово «персонология» на две части: «персоно-» и «-логия». Дальше примеривают пер-

вую часть этого слова, «персоно-» на юнгианское понятие «персона» («маска») и, отмечая фонетическое соответствие между ними, приписывают нам отождествление смыслов того и другого.

«Личность»:

отнюдь не «маска», не «роль»...

Диспутанты как бы и не догадываются, что слово «персона» в русской традиции значит иное, чем в латинской, хотя в обеих оно имеет несколько значений (что тоже немало важно в нашем анализе).

В *латинском* языке *первое* значение слова «персона» — это маска актера, второе — роль; затем — роль в жизни и, наконец, «лицо», «личность», «индивидуальность», «характер» (обнаруживаемый в образе действий) и др.

В *русском* языке на *первое место* выходят такие значения этого слова, как «особа» и «личность», среди синонимов этого слова фигурируют «человек», «субъект», «лицо»; слово «маска» вообще не фигурирует, если, конечно, исключить приводимую в психологических словарях юнгианскую трактовку «персоны» как маски¹¹.

Для русскоязычной традиции *персона* — человек, рассматриваемый со стороны таких особенностей его

¹¹ Похвально, что авторы в своих саркастических измышлениях все-таки воздержались от использования еще одного значения слова «персона», приводимого в Википедии («Персона» — это «тип российских разведывательных спутников»), хотя политизированное сознание наших диспутантов от человекоцентрированного подхода вполне могло бы отнести «персонологию» к системе шпионажа в пользу России... А почему бы и нет, ведь Россия, на их уточненный взгляд, в советские времена пропагандировала те же идеи, что и фашистская Германия (цитируем: «...в отечественной психологии (и не только) личность чаще всего определяется как социальное

индивидуальности, которые значимы (обладают важностью) для других людей и столь же — в его собственных глазах. Персона — человек, отнюдь не обезличенный ролью; он *может* рассматриваться как носитель роли, которую он реализует как влиятельное *лицо*.

А.Б. Орлов и Н.А. Орлова, похоже, знают только одно значение слова «персона»...¹²

Эти «бесчеловечные» персонологи!...

Систематическая ошибка критиков в понимании наших взглядов на личность приводит к интересным следствиям (напомним, «ложные посылки имплицитно все что угодно»). Так, в *аннотации* к своей статье диспутанты пишут, что, мол, эти «бесчеловечные» персонологи, Петровский и Старовойтенко, допускают «редукцию человека до личности, а личности до персоны».

Ну зачем же так, коллеги? Разве это *мы* редуцируем личность до персоны, а человека до личности? В нашем понимании (игнорируемом оппонентами или обладающем «неподъемным» контентом), *личность* — «индивидуальная душевно-духовная сущность человека в ее жизненном осуществлении, а также в данности и недоступности миру, другим, себе. Необходимыми моментами, определяющими полноту и целостность персонологического понимания личности, выступают ее индивидуальная жизнь и сознание, самопричинность и саморазвитие, самопознание и самовыражение, отношение и творчество, диалог и бытие-в-другом, произведенные изменения в бытии и преодоление чужеродности внешнего мира, аутентичность и воплощенность. Все эти моменты должны раскрываться через развивающие, противоречивые, разделяющие и гармонизирующие отношения друг с другом, образуя единую

образование», имеющее «некоторую физическую<...> подоплеку»; «в расистских построениях фашистской персонологии эта подоплека вышла на первый план, и «арийская личность» получила безграничное господство над «неарийской личностью»» (Орлов, Орлова, 2015, с. 16). Интересная параллель, не правда ли? «Гуманистическая парадигма» на марше?

¹² Эта подмена, ложное отождествление «персона» — «социальная маска», дающая повод критиковать концепцию персонализации, предложенную В.А. Петровским, встречалась у А.Б. Орлова и прежде (докторская диссертация). Мы уже отмечали безосновательность этой критики; она была основана на чисто словесной игре, бросая тень на большое число теоретико-экспериментальных исследований, выполненных под руководством А.В. Петровского и В.А. Петровского (они четко определяли этот термин и рассматривали его как ключевой в разработке своих теоретических взглядов). Хотелось бы достичь понимания со стороны оппонента, А.Б. Орлова, того несомненно факта, что есть авторы, для которых морфема «персоно-» может означать что-то иное, чем «древнегреческая маска» или «старорусская накладная харя». Что же нам делать, как убедить Александра Борисовича и его соавтора, Наталью Александровну Орлову, что «персонология» — это не «маскология», что «потребность и способность к персонализации» не означает готовности человека натянуть на себя накладную харю (как, вероятно, это представляется уважаемым оппонентом)?

модель *личностного способа существования человека*» (Петровский, Старовойтенко, 2012, с. 27). И, на наш взгляд, *человек* есть нечто большее, чем индивидуальная личность: для нас человек — это личность, «расширенная» в мир других, пребывающая в единстве с другими; это общность с другими личностями, «личность в любви», всеобщее «Я», подлинная человечность в человеке (Петровский, 2013, с. 449–454).

Итак, коллеги, именно *вы* неправомерно сводите «личность» к «персоне» (в значении «маска», что резко противоречит нашим и общепринятым представлениям, зато соответствует вашим), а человека — к личности (в вашем, сугубо личном представлении), упуская собственно «человеческое в человеке». Не стоило бы вам, господа, упоминать о редукции, а то ведь кто-нибудь возьмет и сравнит наши тексты¹³.

Эмпатическое слушание и снисхождение

Сначала о «слушании». Забавно, но А.Б. Орлов и Н.А. Орлова на сто

процентов уверены в том, что персонологам, в лице В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко, при всей их, как рисуется критикам, наивности, как-то неловко сводить личность к юнгианской «персоне». Так, неожиданно проявляя эмпатию к нам, как бы «вчувствовавшись» в раздражающий их текст, оппоненты пишут: «Чувствуя узость (!!!) ключевого понятия, выбранного ими же самими (т.е. нами, а не критиками. — В.П., Е.С.), наши авторы обращаются к персональному экзистенциальному анализу А. Лэнгле...» (Орлов, Орлова, 2015, с. 16).

Заглянув, как пишут диспутанты, «в нутро», т.е., говоря научным языком, осуществив *эмпатическое слушание*, «вчувствование», они считают, что мы нуждаемся в понятии «перзон» (и ряде других, называемых ими), чтобы восполнить пробелы в якобы «суженной» нами (а не самими критиками) трактовке личности¹⁴. Этот порыв к человеческому пониманию нас, авторов «бессистемной» и «бесчеловечной» персонологии, вызывает ответные чувства, однако размеры полей, увы, не позволяют нам выразить их...

¹³ Недоумение у оппонентов вызывает также *слово* персонология (= «персоно-логия»). Усердная деконструкция оппонентами наших текстов ведет к тому, что они в конце концов не могут увидеть ни их логики, ни их целостной формы. Время читателя нам дорого, и мы не станем цитировать те фрагменты критикуемой диспутантами статьи, где весьма подробно (с. 28–29), освещается наше понимание «логоса» в составе термина «персонология».

¹⁴ Интересно, что почувствовали бы российские психологи, сторонники «персонального экзистенциального анализа», если бы они вдруг прочитали у Орлова и Орловой, что, во избежание возможного смешения юнгианской «персоны» с «персоно-» в названии терапевтического подхода Альфрида Лэнгле, предлагается переименовать этот достойный уважения подход в «персональный экзистенциальный анализ». Если бы это произошло, то персонологи, проявляя солидарность с представителями персонального экзистенциального анализа, дружно выступили бы против такого нововведения (хотя от некоторых наших коллег нам довелось слышать: «Я не персонолог. Я – перзонолог!»).

Теперь о проявленном «снисхождении». Еще один вопрос, который волнует оппонентов, связан с идеей мультисубъектности личности. Приведем выдержку из их статьи, затрагивающую проблемы мультисубъектной персонологии — развиваемой нами частной формы общей персонологии (диспутанты, похоже, разминувшись с данным направлением наших исследований, но критикуют его с удовольствием).

Наши критики пишут: «...там, где следовало бы говорить “личность”, можно прочесть следующее: “Личность воплощает ‘содружество субъектов’, ‘республику субъектов’, множество Я, совокупное ‘мы’” (Старовойтенко, 2010, с. 14). В данном случае мы склонны все же думать не о психиатрическом диагнозе “шизофрения” и даже не о психодинамическом диагнозе “множественная личность”, сколько о лингвистическом сбое, позволяющем говорить про совокупность *субличностей* там, где нужно определить понятие “личность”» (Там же, с. 21–22).

Хорошо, что это все-таки не «диагноз», касающийся в первую очередь С.Л. Рубинштейна (ведь Е.Б. Старовойтенко цитировала его слова о «республике субъектов» — см.: Рубин-

штейн, 1973, с. 337). Наши критики проявляют величие души и благородную *снисходительность* к авторам, говоря о «сбое», а не о чем-то похуже (хотя на их месте, думается, академик Снежневский¹⁵ был бы менее щепетилен!). Искреннее персонологическое спасибо за это! Но было бы несправедливым в отношении В.А. Петровского не потребовать от него все-таки, чтобы он разделил ответственность с С.Л. Рубинштейном и Е.Б. Старовойтенко за этот невольный лингвистический сбой...

Ведь в работах В.А. Петровского личность действительно раскрывается как мультисубъектная общность (и об этом речь идет в книгах: «Психология неадаптивной активности», «Феномен субъектности в психологии личности», «Личность в психологии: парадигма субъектности», «Человек над ситуацией», «Я” в персонологической перспективе», а также в многочисленных статьях и диссертациях, выполненных под руководством В.А. Петровского)¹⁶. Единственное, чем мог бы защитить себя автор в этом вопросе, — спросить в ответ: «Неужто вы думаете, что за истекшие 40 лет я так-таки прошел мимо предмета ваших сомнений?»

¹⁵ А.В. Снежневский, известный советский психиатр, директор Института судебной психиатрии им. В.П. Сербского (1950–1951), директор Института психиатрии АМН СССР (1962–1987), директор Всесоюзного научного центра психического здоровья АМН СССР (1982–1987). Злые языки небезосновательно называли его «отцом карательной психиатрии».

¹⁶ Отталкиваясь от философской и психологической проработки понятия «субъект» (первые работы, затрагивающие феномен неадаптивного выхода субъекта за границы ситуации, были опубликованы в 1971 г.), В.А. Петровский ввел в психологический дискурс понятия «активной неадаптивности», «надситуативной активности», «субъектности как самопричинности», а далее — «отраженной субъектности», и таким образом была предложена концепция

Нет, коллеги, мы думаем, не было никакого «сбоя» (ни лингвистического, ни логического, ни психологического) в нашей трактовке личности как «множества Я». И в этой связи – небольшой комментарий о «субличностях». Это слово редко используется в наших текстах, но если и включается в текст, то, как правило, можно понять, что оно не является термином развиваемой теории. К примеру, В.А. Петровский пишет: «...“субличности” (говорю сейчас метафорически, на языке психосинтеза), точнее, целеустремленные системы, могут вступать между собой в самые парадоксальные отношения...» (Петровский, 2013, с. 34) или: «Личность – это единомножие активных сил; иногда говорят – “субличностей”. Однако не существует никакой “суперличности”, которая, подобно кучеру на облучке, правила бы остальными» (Там же, с. 311) и т.п.

Нет, все-таки не шизофрения...

В этой связи позволим себе еще один встречный вопрос: почему образ «мультисубъектной личности» («множественного Я») в сознании оппонентов ассоциируется исключительно с «психиатрическим диагно-

зом “шизофрения”» и психодинамическим диагнозом «множественная личность»? Ведь наши критики – грамотные, начитанные люди, глядят поверх сапога (простите, заимствуем их эпитет), не могут не знать, например, что классик психологической мысли Уильям Джеймс не относил феномен «множественного Я» к категории патологии. Заглянем, например, в прекрасное изложение его взглядов Р. Фрейджера и Д. Фейдимена. «Уильям Джеймс был сторонником идеи о том, что мы не являемся единым целостным “я”, хотя на первый взгляд это, возможно, и представляется таким образом. Скорее, мы представляем собой множество “я”, при этом некоторые сегменты связаны между собой в большей степени, чем другие... Для каждого из нас существует нормальная возможность для проявления множественности. Если мы рассмотрим некоторые обычные проявления, эта идея покажется более убедительной» (Фрейджер, Фейдимен, 2004, с. 96).

В работах В.А. Петровского, трактующих личность как «единомножие Я» и коренящихся в философских, теоретико-психологических и психопрактических разработках У. Джеймса, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского,

личности как целостности, включающей в себя множество Я: аутентичное Я, Я другого во мне, отраженность собственного Я в других индивидуумах; каждое из названных образований представлено множеством «Я-ипостасей»; выделяются такие образования, как «мое Я» и «мое Ты» (тот, к кому я обращаюсь в пустой комнате), «значимый другой» – «интроект другого» – «претворенный другой» и т.д. Концепция опирается на предложенные этим автором методы эмпирического исследования субъектности в жизнедеятельности личности (метод виртуальной субъектности, метод отраженной субъектности, метод трансактной реинтерпретации личностных опросников – все эти методы реализованы во множестве методических разработок). На протяжении 30 лет В.А. Петровский осуществляет деятельность психолога-консультанта, разрабатывая и реализуя модели мультисубъектного консультирования.

Ф.Д. Горбова, П. Жане, П. Федерна, Р. Ассаджиоли, Э. Берна, развиваются идеи мультисубъектной персонологии, а в ней, в свою очередь, реализуются методологические установки общей персонологии. По странной причине работы В.А. Петровского оказались «вне игры» на поле брани добросердечных коллег с авторами общей персонологии.

Остается добавить, что личность в статье В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко рассматривается в разных аспектах, и ни один из них не исчерпывает содержание понятия «личность», но вместе они направляют векторы синтеза фундаментальной, герменевтической и практической психологии личности в персонологических исследованиях и разработках.

Ошибка № 3: толкование смысла «интеграции» в контексте общей персонологии

В понимании того, что представляет собой интеграция в модели общей персонологии, наши оппоненты испытывают существенные трудности с пониманием. Им представляется, что авторы проекта общей персонологии хотят объединить все со всем — всё и вся — и в этом усматривают смысл персонологического построения. Между тем для нас интеграция — не самоцель, а путь взаимодействия в развитии смежных областей психологии личности в постановке и решении конкретных задач.

Например, феномен «ролевой жестокости», впервые исследованный в

рамках «академической» науки (фундаментальная психология) Милгремом, есть, вместе с тем, феномен культуры (требующий постижения иными, чем эксперимент, средствами), а кроме того, феномен, значимый для разъяснения и предупреждения рисков, связанных с принятием социальных ролей (консультативная психология). Такие явления, как конформизм, лидерство, агрессия, риск, творчество, воля, доверие, привязанность, одиночество, ревность, эмпатия и множество других, потенциально значимы в качестве особых предметов научного исследования, герменевтического постижения, практического освоения. Но это не значит пока, что они уже *выступили* в этом качестве; другими словами, не значит, что они уже сегодня системно представлены в зеркалах науки, герменевтики, практики. Общая персонология для нас — путь «многоаспектного» осмысления, перекрестного рассмотрения таких феноменов и условий синтеза разработок, им посвященных. Общая персонология — потому и *новая*, что в подобной форме задача нахождения «общего» никогда не ставилась; и «общность» здесь означает не только синтез «предметов» научного, герменевтического и практического аспектов освещения явлений, значимых для будущей целостной психологии личности, но и общность усилий тех, кого заботит эта проблема¹⁷.

«Интеграция»? — такое трудное слово!..

Однако у нас остается долг перед критиками в вопросе об интеграции

¹⁷ Есть и другой аспект новизны: диалог частных моделей персонологии, путь взаимостимуляции, поиска общности и различий, их «переводимости» и «непереводимости» на языки друг друга.

как таковой. Здесь в сознании диспу-тантов, как мы уже отмечали, полная неразбериха, о чем они, остановившись и призадумавшись, прямо сообщают читателям: «...остановимся на понятии интеграции, поскольку именно она представлена как главная цель новой науки. Она определяется следующим образом: “Под ‘интеграцией’ понимается обобщение, синтез, введение в новый контент, перевод в новую форму, расширение контекста познания” (Старовойтенко, 2012а, с. 65). В данном случае перед нами в первых двух перечисленных случаях явная тавтология, а дальше начинаются терминологические сложности. Что такое “введение в новый контент” и чем оно отличается от “расширения контекста”? “Контентом” обычно называется любое содержание сайта. В таком случае “введение в новый контент” — это просто размещение статьи на новом Интернет-ресурсе. <...> Что такое “перевод в новую форму”? Является ли, например, перевод на другой язык в таком случае интеграцией и что с чем в данном случае интегрируется?» (Орлов, Орлова, 2015, с. 14).

Поможем им разобраться в этих сложных для них вопросах.

«Явная тавтология»? Давайте сравним два слова: «обобщение» и «синтез». Примем на минуту, что это одно и то же (т.е. тавтология). Попробуем прочесть какой-нибудь текст, в котором используется слово «синтез», заменив последнее на

«обобщение». Получается очень смешно, например: «Химический синтез белков и нуклеиновых кислот...» будет звучать так: «Химическое обобщение белков и нуклеиновых кислот...». Зайдем с другой стороны, заменив слово «обобщение» словом «синтез». Читаем: «Буквы и цифры обобщаются в понятие “знак”»¹⁸. Заменяем слово «обобщение» словом «синтез». В результате имеем: «Буквы и цифры синтезируются в понятие “знак”. Абсурд! Вот тебе и «явная тавтология» в формулировке «обобщение» и «синтез»... Не будем напирать на то, что это различные мыслительные операции, специфика которых в бесчисленных авторских вариантах обособляется в психологии мышления.

Исправляем ошибочное толкование оппонентами наших слов о «введении в новый контент». Сначала о контенте. Воспользуемся, вслед за авторами, опытом использования «контентов» всемогущего Интернета: «Контент в широком смысле этого слова означает абсолютно любое наполнение того или иного ресурса информацией (чаще всего это определение относится к сайтам в Интернете)» (http://reklamawww.ru/make_site/100-что-такое-kontent.html). Как видим, «чаще всего» речь действительно идет об Интернете, но вообще-то слово «контент», фигурирующее в русском языке, есть «калька с английского content — содержание, содержимое»; иногда используют — «информационное наполнение»

Но критики полны воинственного скептицизма по отношению к возможности такого диалога. И это значит, что они заранее исключают себя из диалога с нами. Что ж, каждому по его вере...

¹⁸ Консультация психолога. Интернет-ресурс: psihotesti.ru/gloss/tag/obobshchenie/

(Словарь, б.д.). Кроме того, совершенно неправоммерно допускаемое авторами сужение объема понятий «контент», «информационный ресурс» до «Интернет-ресурса»: «Информационные ресурсы — в широком смысле — совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации» (Информационные ресурсы, б.д.). В этом плане «введение в новый контент» может означать, например, включение какой-либо информации, содержания в состав только что возникшего (нового) содержания. Например, включение сведений о научении через подражание, известных из работ А. Бандуры (Бандура, Уолтерс, 1984) и имеющих под собой более ранние разработки В.М. Бехтерева (Бехтерев, 1921), в круг современных представлений о деятельности мозга, — в частности, о «зеркальных нейронах» (Rizzolatti, Fogassi, Gallese, 2006). В целом, смысл «введения в новый контент» — в использовании данных (теоретических и эмпирических), полученных в одной области научных исследований, для интерпретации, углубления содержания других областей.

А как же быть с «расширением контекста»? Этот пункт также беспокоит наших оппонентов! Разрешим и эти сомнения. Говоря о расширении контекста познания, мы имеем в виду *применение* данных из различных психологических и непсихологических наук в исследованиях и психопрактиках личности. Например, обращение к законам Йеркса–Додсона при консультировании лиц, склонных к прокрастинации (откладыванию дел «на потом»).

Что такое «перевод в новую форму»? Является ли, например, перевод на другой язык в таком случае интеграцией и что с чем в данном случае интегрируется? Мы сейчас повторили формулировку вопроса в том виде, в каком он был поставлен диспутантами перед нами. Думаем, с этой «проблемой» легко справится каждый, кто задумается. Очевидно, что мы, пишущие об интеграции, отнюдь не имели в виду деятельность переводчика-лингвиста (например, перевод с русского на английский, а потом, с учетом международной обстановки, перевод с английского на китайский). Мы имели в виду, прежде всего, отображение (введение, превращение) одной понятийной (или психотехнической) системы в другую (положим, категорий и схем классического психоанализа — в модели современного транзактного анализа, концептов и символов юнгианской аналитической психологии — в форму процессуальной психотерапии А. Минделла, НЛП — в установки провокативной терапии Ф. Фарелли и т.п.). В этом случае одна система приобретает «вторую жизнь» в другой, новой форме своего существования. За этот счет возможен «диалог» между системами, взаимопонимание, взаимная, если угодно, *интерпретация*, ибо здесь, как и во всем, «подобное познается подобным», а «неуподобное» оказывается на виду, — как некий феномен, требующий «до-страивания» способов понимания. Другой пример столь взволновавшего оппонентов вопроса о «переводе в новую форму» — это преломление теоретических (к примеру, экзистенциально-психологических) идей в

моделях организации индивидуального самопознания личности.

«Квазиопределения», «перечни», «метафоры», «классификации»... — что еще вместо понимания сказанного?

Не всегда справляясь с пониманием текста или нарочито отказываясь от понимания очевидного, оппоненты делают странные ошибки, которые мы склонны им простить, ведь для нас «общая персонология» — это путь к взаимопониманию, а не мелкие придирки друг к другу по поводу словоупотребления. Например, конкретные результаты нашего культурно-психологического анализа и синтеза (как необходимых моментов интеграции) оппоненты именуют «квазиопределениями», «перечнями», «метафорами». Или называют «классификациями» те исследовательские результаты, которые сами авторы так не позиционируют.

Например, обращаясь к модели *персонологии жизни*, наши критики приписывают Е.Б. Старовойтенко «определения понятия “жизнь”», которых нет в текстах ее работ. Вместо «вчитываемых» «определений жизни» у нее приводятся психологические образующие различных «способов проживания личности», эксплицированные герменевтическим путем и систематизированные по намеченным в тексте основаниям. «В богатстве философско-психологических подходов к жизни можно обнаружить сходные темы, касающиеся определенных форм проживания жизни, специфически сочетающих конкретные жизненные положения и позиции личности. Реконструкция

этих форм проживания, демонстрирующая их взаимные пересечения, перетекания, единство и в целом линию “жизнеутверждения”, может выглядеть следующим образом...» (Старовойтенко, 2010б, с. 7). И далее рассматриваются эксплицированные из *научной литературы* специфические характеристики способов проживания, названные автором «жизнь-поток», «жизнь-путь», «жизнь-опыт», «жизнь-усилие», «жизнь-произведение», «жизнь-текст», «жизнь-путешествие». Что же касается «определения жизни», как будто бы данного Е.Б. Старовойтенко на с. 12 указанной статьи, то это, вопреки толкованиям диспутантов, — авторское «собрание» *временных характеристик* протекания жизни, приведенных в работах Н.Н. Трубникова и других известных исследователей жизненного времени. Во временном модусе, пишет автор, жизнь существует как «длящаяся, протяженная, емкая, наполненная, пустая, опустошенная, напряженная, ритмичная, аритмичная, постоянная, непрерывная, прерванная, разорванная, необратимая, обратимая, единственная, быстрая, медленная, однократная, контрастная, становящаяся, целостная, преемственная, континуальная, самодвижущаяся, конечная, вечная» (Там же, с. 12). По-видимому, на взгляд оппонентов, персонология лишена права «построения дифференцированного контента» для психологической интерпретации и оценки жизни личности.

Или еще пример: вводя в контекст *персонологии жизни* категорию «миров», Е.Б. Старовойтенко приводит в той же статье вариант структурирования (а не классификацию, как

полагают диспутанты) миров, основанный на их традиционном онтологическом различении как достоверно существующих и обозначенных общепринятыми терминами. «Следующим шагом в разработке этого персонологического направления (персонологии жизни. — Е.С.) является обращение к миру жизни личности с акцентом на те “пространства” ее существования, где содержатся мощные потенциалы индивидуального развития. Речь может идти о едином мире личности, образованном множеством миров, вовлекаемых в процесс жизненного становления и самоопределения личности. Миры личности и детерминируют ее жизнь, и дают ей свободу осуществления, и развиваются ее усилиями. Миры дифференцируются личностью и могут быть собраны ею в свое обширное “место бытия”. Индивидуальная жизнь протекает в мирах, локализованных “вне личности”, “внутри личности”, “вне меня”, “во мне”. Иными словами, во внешних, внутренних и феноменологических мирах. В соотношении с личностью миры могут быть дальними, ближними, непосредственно принадлежащими ей... Миры, где совершаются развитие и саморазвитие личности и жизни, могут быть структурированы следующим образом...» (Там же, с. 9). Термин «классификация миров» «вчитан» оппонентами в текст автора: ни о какой «классификации» при характеристике «мира телесности», «духовного мира», «культурного мира» и других миров речь не

шла (разумеется, в цитируемой статье их «логос» не полон, но понимающий да поймет, — заметит, какие миры не названы, а также — какие «полюсы» в описании миров подразумеваются).

*Страсти по безликой персоне и
лику per se*

Не в пример нам, безрассудным, оппоненты-истцы бдительно отслеживают, точнее, пытаются отследить в наших текстах любые лингвистические или понятийные неточности (им кажется, что они их находят!). Вот иллюстрация. В нашей статье говорилось о «лице». Оппонентов смущает тот факт, что это русское слово фигурирует у нас на фоне латинских слов или слов латинского происхождения. А.Б. Орлов и Н.А. Орлова — суровые радетели неслиянности русского и латинского языков. Настаивают на переводе. Оправдано ли это требование — вопрос спорный: выражение *per se* — латинское, *персона* — в юнгианской трактовке — слово немецкое, *perzon* — тоже слово немецкое, но вот-вот, в силу особой благозвучности, оно войдет в русский язык, персональность — под маркой «субъектности», «субъективности», «индивидуальности» проникает в русский язык и смотрится в нем как влитое (ср. «персональный экзистенциальный анализ» А. Лэнгле). Тут бы и оставить открытым вопрос, призывая к дискуссии: переводить или не переводить?¹⁹ Но наши оппоненты идут в бой, перенацели-

¹⁹ Тем более что оппонентов совсем не волнует национальное разнообразие собственного понятийного репертуара. Вот что они пишут сами: «Можно также рассматривать личность как часть более широкой психической конфигурации, включающей другую психическую инстан-

вая острей критики. Цитируя нашу работу («древнее русское понятие “лик”»), они сопровождают эти слова задиристым и ироническим комментарием: «...словно понятия обладают национальностью». Ну что ж, объяснимся! *Некоторые* понятия, действительно, неотделимы от языка и культуры, в которых функционируют. Это относится не только к понятию «персона», о чем мы уже говорили, но и к понятию «лик» (наряду, например, с «древнерусским понятием “честь”» и др.). Попробуйте «русифицировать» немецкое «Dasein» или китайское «Дао», и вас постигнет та же судьба, что и нас, если мы откликнемся на ваш призыв «латинизировать» слово «лик»! Это слово, на наш взгляд, несет смысл, существенно углубляющий (в силу породивших его взлетов русской религиозной, философской и художественной культуры) содержание слов разных языков, обозначающих «личностное» в человеке.

Истцы и ответчики в вопросе о парадигмах

Обсудим теперь ряд частных суждений истцов-оппонентов (А.Б. Орлов, Н.А. Орлова), призванных поставить в тупик персонологов-ответчиков (В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко) в вопросе о парадигме.

Истцы: «Поставив целью интеграцию, авторы постоянно обращаются к понятию “парадигма”. Напри-

мер: “Одной из приоритетных задач персонологии можно считать развитие *интегральных парадигм* (курсив наш. — А.О., Н.О.), которые способны связать воедино множество ‘рассеянных’ исследовательских данных и частных моделей личности. *К этим парадигмам можно отнести ряд глобальных измерений в познании личности, например, духовное, культурное, жизненное, телесное*” <...> В другой публикации читаем: “Одним из возможных способов интеграции знания о личности является применение ‘парадигм синтеза’ в пространстве персонологии. К таким парадигмам можно отнести категории ‘культура’, ‘жизнь’, ‘Я’, ‘Другие’, ‘индивидуальность’” <...>

Смешение понятий “парадигма” и “категория”, что можно было бы посчитать логической ошибкой или даже просто небрежным словоупотреблением <...>

Понимание парадигмы как системы понятий при задаче интеграции — принципиальная вещь (ну конечно! — В.П., Е.С.). Связи между понятиями в парадигме не являются случайными. Они создают логическую непротиворечивость системы, позволяя ей самоопределяться среди других систем. <Применительно к “философским парадигмам”> “задача их “синтеза” представляется нам весьма амбициозной» (Орлов, Орлова, 2015, с. 10–12).

Ответчики: По мнению наших критиков, здесь смешиваются поня-

цию (например, Самость, Селф, подлинное Я, сущность (Орлов, 1995) или индивидуальность (Орлов, Орлова, 2011, 2014) и т.д.)». Мы думаем, особенно хорошо смотрится в этом ряду русско-латинских терминов не русское и не латинское, но очаровывающее своей гармоничностью слово «индивидуальность»!

тия «парадигма» и «категория». Однако при внимательном прочтении наших текстов можно заметить, что «парадигма», как любое научное понятие, выступает у нас в своих традиционно различаемых и сочетаемых ипостасях: как выстроенная по определенному общему основанию система категорий, идей, теорий, ценностей и практик, посвященных предмету познания; как способ построения этой системы; как терминологическое обозначение основания, метода и результата интеграции знания о предмете. («Имя» парадигмы может указывать на ведущую область научного познания, на автора фундаментальной разработки парадигмы, на доминирующий аспект познаваемого предмета, на основной метод познания предмета и т.д.)

Когда мы говорим о парадигмах персонологии как «глобальных измерений» в познании личности, имеем в виду общие, онтологические *основания систематизации* идей о личности. Когда говорим о «способе интеграции», «парадигмах синтеза» и «категориях», имеем в виду метод построения общей персонологии путем интеграции парадигм, которые указывают на глобальные измерения познания личности и имеют сложную *категориальную* форму и содержание, обозначаемые соответствующими терминами.

К вопросу о культуре: «Сделайте нам песочные пирожки!»

Истцы (как бы не слыша): «В одной из статей персонологического пула можно прочесть: “В основу развития данного направления (имеется в виду культурологическая персоно-

логия — А.О., Н.О.) положен метод персонологической интеграции культурного опыта, включая реконструкцию европейского культурогенеза познания личности и исследование жизни личности в культурном контексте” (Старовойтенко, 2012б, с. 207). Но если, в конце концов, речь идет о построении “общей персонологии”, то почему нужно брать только “европейский культурогенез”? Куда исчезли как минимум крупнейшие индийская и китайская культуры, в которых тоже был “культурогенез” и познание человека и в недрах которых родились столь крупные “парадигмы”, как буддизм, джайнизм, даосизм и конфуцианство? Куда исчез весь арабоязычный мир?» (Орлов, Орлова, 2015, с. 13).

Ответчики: «Культурологическая персонология» — о чем это вы? У нас нет такого термина. Это ваш термин. Другая культура. Теперь по существу. Почему бы, спрашиваете, «амбициозным авторам» проекта общей персонологии не выйти за пределы европейского культурного пространства? Почему бы не двинуть персонологию на Восток? Почему бы не захватить персонологическим неводом культуры Африканского континента? А как же буддизм и джайнизм, даосизм и конфуцианство? Хорошо бы еще — пишут далее критики — разобраться с языками, мертвыми и живыми, так, чтобы индолог мог говорить с синологом, а буддист — с даосом и чтобы различия не препятствовали взаимопониманию (правда, «создание такого культурного пространства — не менее амбициозная задача, чем синтезирование парадигм» (Орлов, Орлова, 2015, с. 13).

...Вот уж не знали, что терапевты вашего профиля «играют в игры»... Уж больно похоже на то, что вы насмешливо предлагаете нам берновскую игру «сделай мне песочные пирожки». Девочка мальчику: «Сделай мне песочные пирожки!» Мальчик лепит пирожки, говорит: «На, бери, девочка!» Девочка: «Фу, какие у тебя руки грязные!» А.Б. Орлов, описавший в своей книге победоносное шествие восточной суфистской психологии (под маркой гуманистической) на Запад, прекрасно понимает сложность этой задачи, побуждая ее принять и заведомо отказывая кому-либо в возможности справиться с ней. Понятно, что кто бы ни взялся решать, справится лишь частично (и тогда ему скажут: «Фу, какие у тебя грязные руки»).

Но если совсем серьезно, то причина, побуждающая сосредоточиться прежде всего на европейской культуре, говорить о «европейском культурогенезе», определяется жанром персонологии как ориентира интегративных процессов. Персонология — наука синтеза теоретико-эмпирических, культурно-герменевтических и практических направлений психологии личности. Прорисовка каждой из «вершин» персонологического треугольника — не самоцель, а инструмент построения каждой другой вершины треугольника. Важно при этом, чтобы каждая из вершин была богата своим собственным содержанием, иначе ведь и синтезировать нечего. С этой точки зрения, именно европейская ментальность содержит в себе необходимые и достаточные условия объединения вершин треугольника. И мы вовлекаем в орбиту нашей работы именно европейский, а не

восточный культурогенез, руководствуясь вполне понятными (если позволить себе задуматься) соображениями.

«В научной ретроспективе длительного исторического времени, к личностно-ориентированным относятся, в первую очередь, европейскую культуру с ее неотъемлемой русской составляющей... С давних времен культура Европы признает большое общественное значение личного духовно-деятельного начала человека, является внутренним качеством, смыслом и формой организации самостоятельной жизни индивидов, проявляет свою личностную сущность, становясь европейской мерой отношения человека к самому себе. Развившиеся в этой культуре психологические учения о личности способствовали формированию “гуманитарного европеизма” и длительно поддерживают общественный интерес к личности единичной и “соборной”, ординарной и выдающейся, регрессивной и развивающейся, к личности как объекту научного познания и субъекту рефлексии... Утверждаются европейские каноны изучения и понимания телесной организации, пола, сексуальности, здоровья и болезни личности» (Старовойтенко, 2007, с. 11). Полагаем, что «европейское сужение» общего культурно-персонологического подхода в конкретных исследованиях и проектах авторов вполне правомерно.

А кроме того, судите сами: разве многовековая восточная эзотерическая традиция, вполне состоявшаяся и, как говорят сегодня, «работающая», нуждается в чем-то ином, кроме ее самой? Ведь она по сути своей самодостаточна (иначе, к

слову, — какая же она эзотерическая?!). Попробуйте, «проанализируйте это!» Так, характеризуя психопрактики, альма-матер которых — Восток, А.Б. Орлов пишет: «Интуитивное, образное познание, бессознательный интеллект — гораздо более важная <чем “логос”> форма научной рефлексии (?!), встроенная в психопрактику и обслуживающая ее» (Орлов, 1995б, с. 254). Вот вам и форма «научной рефлексии»! Нет, дорогие оппоненты, мы, конечно, признательны вам за предложение обратить свои очи к Востоку, но все-таки не настолько *тронуты*, чтобы стучаться в наглухо закрытую дверь эзотерики.

Вдогон сказанному. По мнению одного из наших критиков, А.Б. Орлова, гуманистическая психология «еще долго будет оставаться своего рода диссиденткой в кругу уважаемого психологического истеблишмента...» (Там же). Сочувственно цитируется известный авторитет в этой области Сейида Идрис Шах: суфизм сам по себе является психологической системой, причем намного более развитой, чем *любая психологическая система*, получившая развитие на Западе. Спрашивается, зачем персонологу «поворачивать» теоретико-экспериментальные (психологическая классика) изыскания в сторону суфистской, превосходящей все и вся, гуманистической психологии, если та, признав себя вполне самодостаточной (и к тому же общечеловеческой), высокомерно отворачивается от них, ощущая себя в стане противников?

Истцы: «Нам сообщается, что следует выйти за пределы гумани-

тарных наук в естественные науки и даже за границы научного познания (Старовойтенко, 2012а, с. 59). От таких перспектив даже у смелых людей захватывает дух, а у здравомыслящих — кружится голова» (Орлов, Орлова, 2015, с. 14–15).

Ответчики: Отметим, что источник головокружения А.Б. и Н.А. Орловых — высказывание, *приписываемое*, а не принадлежащее Е.Б. Старовойтенко. На самом деле фрагмент текста, на который ссылаются диспутанты, выглядит так: «На наш взгляд, важнейшая проблема интеграции знания о личности должна разрабатываться в расширенной области, очерченной границами дискурсивного, рационального, обобщенного подхода к человеку, характерного для классической психологии, философии, гуманитарных и естественных наук. При этом необходим выход за эти границы в обширный мир живых представлений о “личном”, “индивидуальном”, “самости”, “Я”, “человеческих типах”, отраженных в текстах и образах мифов, изобразительного искусства, литературы, поэзии, драматургии» (Старовойтенко, 2012а, с. 59).

Похоже, что в данном случае «истцы» лжесвидетельствуют...

И не совсем понятно, почему от размаха персонологов у оппонентов спирает дух, если сам А.Б. Орлов пишет о «бессознательном интеллекте» как форме «научной рефлексии». «Бессознательный интеллект» — это еще куда ни шло, но «бессознательное» как «научное»?! Вам не дурно, господа, от дерзости собственной мысли, устремленной в беспредельные пространства иррационального?

Человекоцентрированные методологи «советов не дают». Но просто ставят себя в пример

Поразительная история! Человекоцентрированные *терапевты* советов не дают, в пример себя не ставят, в то время как люди на сеансах порой *спрашивают* их, что делать. А человекоцентрированные *методологи*, воздерживаясь от прямых указаний, все-таки ставят себя в пример, хотя никто их об этом не просит.

А.Б. Орлову и Н.А. Орловой мнится, что общая персонология, в лице своих представителей, не просто стремится к интеграции разных областей психологических разработок, но видит в интеграции Наук, интеграции Культур, интеграции Практик свою основную задачу, нечто подобное **самоцели** (мы уже говорили об этом). Такой проект, с точки зрения критиков, и невозможен и неосуществим. Вот если бы, кивают в нашу сторону критики, речь шла о какой-нибудь частной, особенной, персонологии (как это случается с ними, см. Орлов, Орлова, 2015, с. 24), то в ней действительно могла бы исполниться заветная мечта любого персонолога — получение систематизированного знания, открывающего новые перспективы практике и служащего развитию самого знания. И только потом, вследствие усилий по развертке потенции, содержащейся в частной персонологии, могла бы вырасти персонология «общая», — отнюдь не наоборот, как, посмотрите, у тех горемык, незадачливых авторов...

Да, товарищи дорогие, это вам не какой-нибудь «персонологической поворот»! Это — переворот!

Впрочем, есть три обстоятельства, смазывающих его историческое значение и новизну.

Советы не даете? И правильно!

Первое обстоятельство: так ли нов образец? Диспутанты отворачиваются от наших работ, в которых представлены частные персонологические разработки («мультисубъектная персонология», «культурная персонология», «персонология жизни», «персонология Я»).

Второе обстоятельство: правомерна ли предлагаемая логика построения? Диспутанты, на наш взгляд, исходят из ложной посылки: сначала частное, потом — общее; столь же неоправданным был бы другой порядок (сначала — общее, потом — частное.) Заметим, что так никогда не бывает в науке, стремящейся к единству этих поисковых ориентиров!.. (если подобное и случается, так только в учебниках и учебных пособиях, в строгой последовательности размещающих изучаемый материал).

Третье обстоятельство: открылся ли диспутантам смысл «общей персонологии», в нашем понимании «науки личности», коль скоро они предлагают нам образец «правильного» ее построения? Нам представляется, что, заимствуя у нас («беря напрокат», как это принято у них) данный термин — «общая персонология», — они искажают его смысл²⁰. Для оппонентов — это *итог* синтеза

²⁰ Обходясь с этим словосочетанием так же вольно, как с «персоной» и «персонализацией».

разнородного материала (например, всевозможных понятий, описывающих человека), а для нас – это *путь* синтеза. Не система, но путь!

Коллеги! Не даете советов? Хорошо! С нас довольно и образцов.

Векторы развертки «науки личности»

Далее нам кажется важным напомнить читателю ранее выделенные в наших работах «векторы» развертки «науки личности». Поясним, что схемы интеграции представлены в *общей* персонологии, а их реализация – в рамках особенных, авторских, исследований и разработок вариантов персонологии, что и составляет, в каждом конкретном случае, суть проектов фундаментальной персонологии (рисунок 2), консультативной персонологии (рисунок 3), культурной персонологии (рисунок 4), персонологии самополагания (рисунок 5).

«Почему?» Несколько версий отсутствия понимания со стороны диспутантов

Естественно, возникает вопрос: почему уважаемые коллеги проявляют такое странное непонимание наших взглядов?

Не хватает «когнитивной сложности»? Нет, мы этого не утверждаем²¹ (хотя, честно говоря, серьезной критики наших работ мы не встретим

ли, – все больше скепсис, раздражение, поучения, метафоры обесмысливания, идеологический лупинг²²).

Или, может быть, мысленно они следуют заповеди: «*Не возлюби идею ближнего своего!*»? Нет! – этой тезе, нам думается, они не следуют, уж больно она подростковая!

Гораздо более достоверной нам представляется версия «естественных амбиций», присущая, как выясняется, человекоцентрированным методологам. Авторы критической статьи заявляют: «возникновение общей персонологии возможно из персонологии частной, и эта *естественная амбиция* (курсив наш. – В.П., Е.С.) прослеживается в каждой частной теории личности, начиная с психоаналитической» (Орлов, Орлова, 2015, с. 24); а эта естественная амбиция – продолжим мы – означает противопоставление *данной* теории всем прочим теориям, ведь, согласно А.Б. Орлову и Н.А. Орловой, никакая общая персонология как «изначальный глобальный проект» невозможна. А раз такое, с их точки зрения, в *принципе* невозможно, то совершенно бессмысленно ожидать от представителей человекоцентрированного подхода *понимания* и, как мы увидим далее, *принятия* подходов, иных, чем их собственные; такова уж конкурентная и самолюбивая логика реализации «естественных амбиций»...

И, вдогон сказанному, может быть, наших критиков смущает, что

²¹ Мы лично почти не знакомы с соавтором Александра Борисовича Орлова, Натальей Александровной Орловой, но имеем давний опыт сотрудничества, коллегиальных, личных отношений с Александром Борисовичем. Знаем его как человека, способного воспринимать взгляды собеседника, анализировать их в конструктивном ключе.

²² Лупинг – ответвление, вставка.

Рисунок 2

Проект фундаментальной персонологии

Рисунок 3

Проект консультативной персонологии

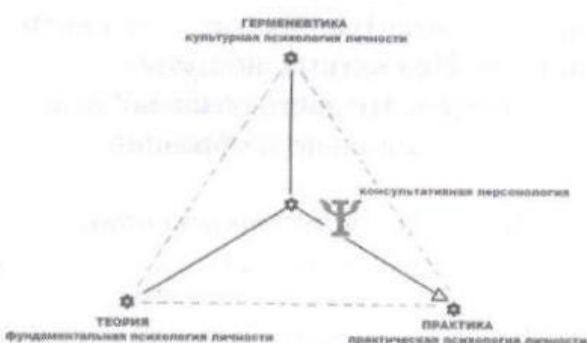

Рисунок 4

Проект культурной персонологии

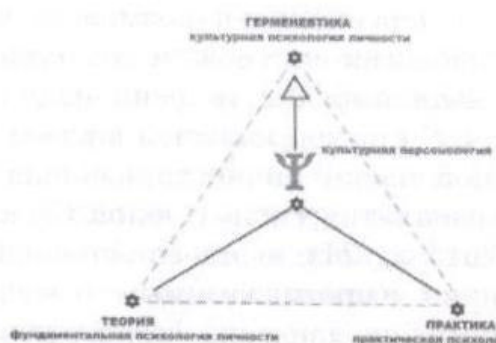

Рисунок 5

Проект персонологии самополагания

образы-манифестации авторских фигур, символизирующих персонологию («юноша» – Вадим Артурович, ровесник Александра Борисовича; «девушка» – Елена Борисовна, немножко старше Наталии Александровны), *когда-нибудь развернут свои собственные «естественные амбиции»* и станут «прародителями нового человечества – персонологов, которые и заселят Землю», потеснив тем самым генерацию людей предрекаемой «психозойской эры», в соответствие с пророческими прозрениями инноваторов-диспутантов?

Последнее предположение, как мы еще увидим, при всей его фантастичности, не надо сбрасывать со счетов.

Так в чем же дело?

Попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев еще один из аспектов реализации «человекоцентрированного подхода» к анализу работ коллег, характеризующий эмоциональное отношение диспутантов к персонологам.

Неприятие без понимания

Насколько удастся нашим оппонентам следовать канонам человекоцентрированного подхода, вслед за Учителем, самим Роджерсом, при анализе работ коллег? На это кто-нибудь, по наивности, мог бы ответить: одно дело – клиент в условиях психотерапии (там принципы безусловно позитивного отношения

выдерживаются безукоризненно), а другое дело — коллеги... Но ведь хорошо известно, что сам мэтр отказался использовать словосочетание «клиентоцентрированный подход», распространив принципы своего мировоззрения и миродействия за рамки клинической работы и сформировав «человекоцентрированный подход», что неустанно подчеркивает Александр Борисович Орлов (см. о тотальном шествии человекоцентрированного подхода по миру, о том, как он переступает географические и профессиональные границы, чуть ниже по тексту). Так что мы склонны были бы ожидать, что принципы понимания и принятия распространяются и на нас, коллег человекоцентрированных авторов. Напомним название их статьи: «Человекоцентрированный подход к общей персонологии». Об уровне «понимания» мы уже говорили, теперь речь об эмпатии, «безусловном принятии».

Некоторые примеры «безусловно позитивного отношения»

Увы, формулировку руководящего принципа рожерианского подхода здесь приходится заключить в кавычки. Все в тексте статьи наших критиков странным образом политизировано-военизировано, идеологически проштамповано, нарочито принижено, вульгаризировано. Приведем некоторые примеры, стараясь удерживаться от комментариев (в скобках приводим пояснения, о чем или о ком было сказано):

«Так, в расистских построениях фашистской персонологии...» (о кон-

цепциях «личности» как социального образования);

«...И «арийская личность» получила безграничное господство над «неарийской личностью» (все про те же «расистские построения» — очевидно, чтобы мы хорошенько почувствовали аналогию!);

«Суди не выше сапога» (о попытках кого-либо выйти за пределы своей предметной области, — скорее всего, сказано о нас);

«Юная особа, облаченная в лоскутный наряд, шитый белыми нитками» (о персонологии);

«...Восхитившись ее «скелетом» (логической конструкцией персонологии), имеет смысл перейти к более конкретному рассмотрению <ее> «тела»...»;

«...Насколько жизнеспособен этот юный кадавр» (о персонологии);

«Подобное пуританство достойно учительницы младших классов, желающей прикрыть наготу античных статуй, дабы не развращать юные умы» (о наших якобы соображениях приличия, по которым мы не использовали слово «эрос» в текстах наших работ);

«...Фантазия о том, как будут любить друг друга персонологи в новой профессиональной области, отдает некоторой скабрзностью» (в ответ на наши слова, что в пространстве персонологии «просторно не только мыслить и познавать, но и общаться, творить, любить, создавать новую «общность личностей». Видимо, говоря о «любви», мы не имеем в виду «эрос»? И правда ведь, интересная «клиентоцентрированная» интерпретация на стыке с глубинным психоанализом, раскрываю-

щим конфликт либидо и цензуры?)²³;

«Подобный мессианский запал больше присущ пророкам или религиозным деятелям, нежели ученым...» (относительно идеи интеграции знаний);

«Король-то — голый» (о нас, которых «обнажили» критики);

«Голая правда, какой бы она ни была, лучше разряженной лжи, а самый скромный, самый маленький научный факт лучше самой помпезной лженауки» (авторы оберегают науку от «лжеученых» — фразеология прекрасных советских времен. Создается впечатление, что «голый король» — это голос мужского архетипа, а «лженаука» — женского; о ком это они? Впрочем, скоро это прояснится окончательно — см. дальше);

«Изображение вперившихся друг в друга и никого больше не видящих двух мелких особ-профилей, лишенных всяких (даже гендерных) характеристик и составляющих “ножку” буквы “пси”, логотипа персонологии...» (о символическом обозначении персонологии);

«...Юноша и девушка, как некие новые Адам и Ева, представляют, видимо, прародителей нового чело-

вечества — персонологов, которые и заселят Землю» (оптимистическое пророчество);

«...Дом персонологии развалится, как Вавилонская башня...» (отчасти пессимистическое пророчество, но, впрочем, как они говорят, чем быстрее, тем лучше — словом, доброе пожелание).

Пожалуй, ничего подобного в нашей практике не было, хотя с критикой мы, конечно, сталкивались — как без этого? Но мы не помним случая, чтобы критика была настолько эмоциональной, рассчитанной на то, чтобы задеть за живое, ранить, шокировать... Направленность этой критики очевидна: дискредитация научного направления, предлагаемого коллегами; стиль — разнос. Для работ советского времени середины XX в. это был вполне традиционный жанр (и хотя сейчас он изжил себя, почему бы не реанимировать?). Сегодня, по стилистике, это ближе всего к построениям в духе «черного PR» и «черной риторики».

Мы, признаться, были потрясены качеством того «безусловно положительного отношения» к нашим работам, которое продемонстрировали авторы, считающие себя последова-

²³ Нам не кажется правильным так вольно обращаться с идеями своего учителя, К. Роджерса, забыв его поучения, касающиеся «чистоты жанра». Он прямо указывал своим союзникам и будущим последователям: «Прогресс, в нашем понимании психотерапии, будет обеспечиваться признанием принципиальных различий в существующих терапевтических подходах». А.Б. Орлов и Н.А. Орлова хоть и цитируют слова Роджерса (см. эпиграф к их сочинению), но при этом придерживаются не свойственных его школе техник интерпретации, не говоря уже о некошерном оценивании работ коллег; наши авторы, нарушая заповеди учителя, не брезгают даже юнгианскими категориями анализа (см. также дальше — об архетипах). Грустно, что нам приходится самим напоминать о принципах человекоцентрированного подхода, завещанных Роджерсом, в то время как авторы-диспутанты упрекают нас в «игнорировании» границ, отделяющих одни психологические системы от других.

телями Карла Роджерса. Человек, конечно, существо с «ограниченной рациональностью» (Канеман, Тверски) и, добавим мы, с неограниченной эмоциональностью. Но, нам казалось, ведь не настолько! Должны быть, очевидно, весьма веские причины, какие-то глубокие основания для столь резкой, категоричной, безапелляционной критики. Откуда все это у «гуманистов»?

По ту сторону непонимания и неприятия

Конечно, вопрос о происхождении столь выраженного и упорного сопротивления к восприятию наших идей, их креативному осмыслению требует специального — не побоимся этого слова, *персонологического*, — рассмотрения. Но в пределах этой статьи-ответа наши возможности, увы, ограничены; и мы, не в пример диспутантам, не можем позволить себе сколько-нибудь вольное фантазирование на подобную тему. Ведь наши оппоненты если и не переходят на личности прямо, то как бы застревают в переходе, не позволяя себе, конечно, оскорблять авторов проекта в лицо, но пятная своими словами их произведения. Здесь много сюжетов, сравнений и полуперсональных оценок, касающихся нас: «мессианский запал пророков», «новые Адам и Ева» и т.д. и т.п. Дурная манера переводить разговор на личности заразительна, но мы воздержимся от того, чтобы перенимать этот опыт. Мы не позволим себе «застревать в перехо-

дах», не станем размышлять о не реализованных на сеансах человекоцентрированной терапии агрессивных импульсах (канализируемых в квазинаучные тексты) и уж точно не будем анализировать человеческие — «слишком человеческие» — социальные детерминанты порождения подобных текстов (например, положение дел «с не слишком разборчивыми грантодателями и книгоиздателями», мобильная жизнь в Вышке, добрососедские отношения в одной отдельно взятой магистерской программе²⁴ — все это в данном случае малоинтересно и не так уж значимо...).

Думаем, расхождение наших позиций имеет гораздо более глубокие основания, чем может показаться на первый взгляд. О логике «естественных амбиций» мы уже говорили. Поделились также фантазией-парафразой шутейных рассуждений наших критиков о заселении Земли персонологами... Шутки-шутками, а все-таки?

Разгадка

Нам думается, разгадка — в том, что критическая статья-памфлет двух авторов — реализация **особой позиции**, занимаемой по крайней мере одним из них, А.Б. Орловым, в вопросе о взаимоотношениях **психологии** и **психопрактики** (в более широком контексте — «логоса» и «праксиса»). С достойной похвалы откровенностью и прямоотой эта позиция была высказана в книге А.Б. Орлова «Психология личности

²⁴ Так уж получилось, что мы с профессором А.Б. Орловым реализуем общую магистерскую программу «Консультативная психология. Персонология».

и сущности человека» (Орлов, 1995б) и, насколько нам известно, ни разу в последующих публикациях этим автором не пересматривалась. Мы процитируем финальную часть, самую концовку этой книги, ее, так сказать, моральный итог. Речь здесь идет об **историческом смысле психологического кризиса**; это — ответ Л.С. Выготскому на его знаменитую статью того же названия.

«Исторический смысл психологического кризиса, — по мнению А.Б. Орлова, — заключается в самом существовании *психологии* (курсив автора. — В.П., Е.С.). Этот кризис завершится только в том случае, если завершится ее *история* (курсив наш. — В.П., Е.С.), если современная психология, продолжая разрешаться многочисленными психотерапиями, наконец-то решится стать *психопрактикой* (курсив автора. — В.П., Е.С.)» (Орлов, 1995б, с. 254).

Но это уже давно происходит: «...одна из психопрактических форм, возникшая в середине XX в. в русле клиентоцентрированной психотерапии, фактически сразу же начала свою экспансию в педагогическую, социальную, профессиональную, политическую психологию, в практические сферы образования, менеджмента, политики и в 1980-е гг. как

уже не только внепсихологический, но и как внетерапевтический подход» (Там же).

«*Есть упоение в бою, И бездны
мрачной на краю...*»

Психозойская эра, семя которой А.Б. Орлов находит в суфизме²⁵, рано или поздно созреет и «разрешится» психопрактикой, знаменующей **смерть психологии** как науки... А тут, на пути прогресса, появляются некие «амбициозные персонологи», которые, понимаете ли, не хотят расставаться с наукой, не хотят растворять ее в психопрактике, ищут условия синтеза, апеллируют к современной культуре, опираются на собственный опыт пути, в то время как Будущая психозойская эра уже «вот-вот». Сметем!

Думаем, эсхатологические прозрения критиков, предрекающих скорую гибель психологии как науки, вполне объясняют мрачноватый юмор, простегивающий ткань их повествования. Образный ряд не требует особой герменевтики распознавания: ублюдки-кадавры, гоголевские панночки с расфокусированным взглядом, булимические завсегдатаи тошнотворного шведского стола, раскаивающиеся блудницы, скабрзные кариатиды, двусмыслен-

²⁵ Суфизм (цитируем «наше всё», Википедия) — мистико-аскетическое течение в исламе, одно из основных направлений классической... мусульманской философии. Гибкость суфизма и «открытость» посторонним влияниям сделали его крайне неоднородным (завидная цельность в истоках «правильной» персонологии по А.Б. Орлову и Н.А. Орловой). Суфизм вдохновлял своих последователей, раскрывал в них глубинные качества души и сыграл большую роль в развитии эстетики, этики, литературы и искусства (это общеизвестно). Путь духовного совершенства суфия лежит только через полное подчинение учителю (муршиду) и выполнение всех его указаний.

ные архетипические фигуры... Чудовищные метафоры под кивающей маской человекоцентрированного подхода? Юнгианская Тень «гуманистической терапии»? Как назвать эту аберрацию метода?

Может, следовало обозначить подход авторов как-то иначе: например — «пронимающая психопрактика»?

Вопрос о названии — важен. Ведь нельзя, говоря от имени «чело­векоцентрированного подхода» Роджерса, компрометировать одну из достойных, мы бы сказали — одну из лучших школ психотерапии и психологического консультирования в мире.

Уверены, далеко не все представи­тели человекоцентрированного под-

хода разделяют радикальные взгляды А.Б. Орлова и Н.А. Орловой на будущность психологии. Не всем по сердцу их идея расторгнуть союз Личности и Логоса.

А наши диспутанты тем временем улыбаются...

Эталон оптимизма

Кто-то сказал: юмор могильщиков — эталон оптимизма. Похороны психологии, о чем, как выясняется, «можно только мечтать», — повод к недоброй улыбке... Зачем нашим авторам кто-то, кто может им помешать? Они с оптимизмом смотрят вперед, в свое психозойское завтра.

Это их выбор...

Литература

- Бандура, А., Уолтерс, Р. (1984). Принципы социального научения. В кн. *Современная зарубежная социальная психология. Тексты* (с. 55–61). М.: Изд-во МГУ.
- Бехтерев, В. М. (1921). *Коллективная рефлексология*. Пг.: Колос.
- Информационные ресурсы. (б.д.). Режим доступа: [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIIt\(uwsg.outt:llwlxzwX](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIIt(uwsg.outt:llwlxzwX) (дата обращения: 12.04.2015).
- Исаева, А. Н. (2013). «Принцип оппозиций» в персонологическом познании. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 135–149.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Новые ориентиры понимания личности в психологии: От необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, 1, 12 – 41.
- Литлвуд, Дж. (1979). *Математическая смесь*. М.: Наука.
- Лэнгле, А. (2005). *Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности*. М.: Генезис.
- Орлов, А. Б. (1995а). Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека. *Вопросы психологии*, 2, 5–19.
- Орлов, А. Б. (1995б). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Логос.
- Орлов, А. Б. (2002). *Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики*. М.: Издательский центр «Академия».
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2011). Индивидуальность vs индивидность: роковой вопрос современности. *Мир психологии*, 1, 32–44.
- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2014). Психологический статус психотерапевта. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 136–149.

- Орлов, А. Б., Орлова, Н. А. (2015). Наука человека: Человекоцентрированный подход к общей персонологии (или История о чрезвычайном происшествии в благородном семействе наук). *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 12(2), 7–29.
- Петровский, В. А. (2003). Общая персонология: наука личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии»*, 20–30.
- Петровский, В. А. (2004). Мультисубъектная персонология. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), 2-я *Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений* (с. 41–53). М.: Смысл.
- Петровский, В. А. (2010). Начала мультисубъектной персонологии. *Развитие личности*, 1, 55–72.
- Петровский, В. А. (2012). К читателям. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 3–4.
- Петровский, В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Петровский, В. А., Старовойтенко, Е. В. (2012). Наука личности: четыре проекта общей персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 21–39.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Просвещение.
- Словарь. (б.д.). Режим доступа: <https://seopult.ru/library> (дата обращения: 12.04.2015).
- Старовойтенко, Е. Б. (2004). *Психология личности в парадигме жизненных отношений*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2006). Проблема субъекта в культурной психологии личности. В кн. В. А. Татенко (Ред.), *Человек. Субъект. Поступок* (с. 230–257). Киев: Лыбидь.
- Старовойтенко, Е. Б. (2007). *Культурная психология личности*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2010а). Модель персонологии в парадигме «жизни». *Мир психологии*, 1, 157–173.
- Старовойтенко, Е. Б. (2010б). Парадигма жизни в персонологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 7(1), 3–18.
- Старовойтенко, Е. Б. (2011). Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 8(4), 3–28.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012а). Новая персонология – интегральная наука о личности. *Мир психологии*, 3, 59–71.
- Старовойтенко, Е. Б. (2012б). От идей В.А. Роменца к культурной персонологии. В кн. *Психология вчину* (с. 207–216). Киев: Лыбидь.
- Старовойтенко, Е. Б. (2013). Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 121–140.
- Фрейдджер, Р., Фейдимен, Д. (2004). *Теории личности и личностный рост*. М.: ОЛМА ПРЕСС.
- Rizzolatti, G., Fogassi, L., & Gallese, V. (2006). Mirrors in the mind. *Scientific American*, 295(5), 54–61.

The “Right” and the “Wrong” Personology: The Answer to the Disputants

Vadim A. Petrovsky

Professor, School of psychology, HSE, D.Sc.
E-mail: petrowskiy@mail.ru

Elena B. Starovoitenko

Department Head, Professor, School of psychology, HSE, D.Sc.
E-mail: helestaOS@yandex.ru

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

A detailed answer is given in the article to the critical arguments by A.B. Orlov and N.A. Orlova, presented in the article “Science of a man: A person-centered approach to general personology” (see the pages of the present issue of the journal) on a previously published article by V.A. Petrovsky and E.B. Starovoitenko “The science of personality: four projects of general personology” (Petrovsky, Starovoitenko, 2012). The authors of the four projects assume that critique towards them is due to the following reasons. The first one is the obvious perceptual mistakes, substitution of terms, biased interpretations of the texts of the criticized works. The critics willingly tell their ideological and political evaluations, possibly assuming that thus they strengthen the persuasiveness of their reasoning (for example, the idea of “personality” is associated by them with the “racist development of the fascist personology” and so on). In consequence of such erroneous perception these authors come to the erroneous conclusions, which affect the core categories and statements of personology (discrediting of its methodological status, non-differentiation of general personology and local variants of its development – multisubjective personology, personology of life, etc.). Herewith, however paradoxical it is, the critics attribute to themselves the priority in development of “local personologies”. The second reason, which prompts the “person-centered” critics of the idea of personology to enter into controversy with the authors of the four projects and leads to significant distortions of perception, interpretations and evaluations, is the own rather questionable ideas of the disputants; primarily, it applies to the balance of science and practice in the perspective of development of psychology (according to the critics, with the set of the approaching “psychozoic era” the psychology will die, giving place to the person-centered psychopractice). The stylistics of the argument of the critics has little to do with the principles of “empathic hearing”, “understanding and acceptance”, “non-judgmental perception”, which were discovered by the creator of the “person-centered approach” C. Rogers. Instead of the “active listening” the methods of “active eating” (“black rhetoric”) are used. The content and the style of their reasoning have nothing common with the “person-centered approach” – as applied to the ideas of those who think differently.

Keywords: personality, personalization, person, person-centered approach, psychopractice, Sufism, general personology, multisubjective personology, personology of life, paradigm, integration, triangles of synthesis

References

- Bandura, A., & Walters, R. (1984). Printsipy sotsial'nogo naucheniya [Principles of social learning]. In *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern foreign social psychology] (p. 55–61). Moscow: Moscow University Press.
- Bekhterev, V. M. (1921). *Kollektivnaya refleksologiya* [Collective reflexology]. Petrograd: Kolos.
- Dictionary. (n.d.). Retrieved April 12, 2015, from <https://seopult.ru/library>
- Frager, R., & Fadiman, J. (2004). *Teorii lichnosti i lichnostnyi rost* [Theories of personality and personal growth]. Moscow: OLMA PRESS. (Transl. of: Frager, R., & Fadiman, J. (2002). *Personality and personal growth*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall).
- Informatsionnye resursy [Informational resources]. (n.d.). Retrieved April 12, 2015, from [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt\(uwsg.outt:llwzxwz](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlt(uwsg.outt:llwzxwz)
- Isvaeva, A. (2013). The "Opposition Principle" in Personological Cognition. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(1), 135–149.
- Länge, A. (2005). *Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person: Existential analytical theory of personality]. Moscow: Genezis.
- Leontiev, D. A. (2011). New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible. *Voprosy Psikhologii*, 1, 3–27.
- Littlewood, J. E. (1979). *Matematicheskaya smes'* [A mathematical mix]. Moscow: Nauka. (Transl. of: Littlewood, J. E. (1953). *A mathematician's miscellany*. London, UK: Methuen).
- Orlov, A. B. (1995a). Lichnost' i sushchnost': vneshnee i vnutrennee Ya cheloveka [Personality and essence: outer and inner Self of a man]. *Voprosy Psikhologii*, 2, 5–19.
- Orlov, A. B. (1995b). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigmy, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: paradigms, projections, practices]. Moscow: Logos.
- Orlov, A. B. (2002). *Psikhologiya lichnosti i sushchnosti cheloveka: paradigmy, proektsii, praktiki* [The psychology of personality and essence of a man: paradigms, projections, practices]. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya".
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2011). Individual'nost' vs individnost': rokovoii vopros sovremennosti [Individuality vs. individity: A fateful question of modern times]. *Mir Psikhologii*, 1, 32–44.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2014). The psychological status of a psychotherapist. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 136–149.
- Orlov, A. B., & Orlova, N. A. (2015). Science of a person: person-centered approach to general personology (or The story of the accident in the noble family of sciences). *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(2), 76–29.
- Petrovskiy, V. A. (2003). Obshchaya personologiya: nauka lichnosti [General personology: A science of personality]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiiskoi Akademii Nauk. Special Issue "Aktual'nye problemy psikhologii"*, 20–30.
- Petrovskiy, V. A. (2004). Mul'tisub"ektnaya personologiya [Multisubjective personology]. In D. A. Leontiev (Ed.), *2-ya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii: Materialy soobshchenii* [2nd All-Russian Scientific Practical Conference on Existential Psychology: Reports] (pp. 41–53). Moscow: Smysl.
- Petrovskiy, V. A. (2010). Nachala mul'tisub"ektnoi personologii [The beginnings of multisubjective personology]. *Development of Personality (Russia)*, 1, 55–72.
- Petrovskiy, V. A. (2012). Editorial. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 3–4.

- Petrovskiy, V. A. (2013). «Ya» v personologicheskoi perspektive [Self in personological perspective]. Moscow: The Publishing House of the Higher School of Economics.
- Petrovskiy, V. A., & Starovoytenko, E. B. (2012). The science of personality: Four projects of general personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 21–39.
- Rizzolatti, G., Fogassi, L., & Gallese, V. (2006). Mirrors in the mind. *Scientific American*, 295(5), 54–61.
- Rubinshtein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psychology]. M.: Prosveshchenie.
- Starovoytenko, E. B. (2004). *Psikhologiya lichnosti v paradigme zhiznennykh otnoshenii* [The psychology of personality in the paradigm of life relationships]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2006). Problema sub"ekta v kul'turnoi psikhologii lichnosti [A problem of subject in cultural psychology]. In V. A. Tatenko (Ed.), *Chelovek. Sub"ekt. Postupok* [Human. Subject. Deed] (pp. 230–257). Kiev: Lybid'.
- Starovoytenko, E. B. (2007). *Kul'turnaya psikhologiya lichnosti* [The cultural psychology of personality]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2010a). Model' personologii v paradigme «zhizni» [A model of personology in the paradigm of "life"]. *Mir Psikhologii*, 1, 157–173.
- Starovoytenko, E. B. (2010b). Paradigm of life in personology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7(1), 3–18.
- Starovoytenko, E. B. (2011). Relationship to oneself: From cultural genesis to individual development. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 8(4), 3–28.
- Starovoytenko, E. B. (2012a). Novaya personologiya – integral'naya nauka o lichnosti [New personology is the integral science of personality]. *Mir Psikhologii*, 3, 59–71.
- Starovoytenko, E. B. (2012b). Ot idei V.A. Romentsa k kul'turnoi personologii [From ideas of V.A. Romenets to cultural personology]. In *Psikhologiya vchinku* [The psychology of deed] (pp. 207–216). Kiev: Lybid'.
- Starovoytenko, E. B. (2013). Capacities of the I in relationship with the Other: Hermeneutics and reflection. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10(4), 121–140.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя

Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,

Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 11.5

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ № 1072